

Антон Беляев

Обнажѣнные души

Антон Беляев

Обнажённые души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11947210

ISBN 978-5-4474-2445-9

Аннотация

Любовь.... Смерть.... Смерть и любовь. В любой комбинации, но в данную минуту они вдруг стали в моём понимании неотъемлемы друг от друга, составляя самое что ни на есть жуткое и в то же время волнующее сочетание. И в то же мгновение, сложив воедино хаотично возникающие в голове мысли, я пришёл к знаменательному – не побоюсь этого слова – открытию. Мысль ещё не получила чёткую формулировку, она только разрасталась в сознании, набирая силу, но я уже был твёрдо уверен – пребывание в любви и есть жизнь.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	47
Глава 17	50
Глава 18	54
Глава 19	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Обнажённые души

Антон Беляев

© Антон Беляев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

Глава 1

Я не знаю – кто она на самом деле и зачем пришла в мою жизнь, но склонен верить, что всё сказанное этой женщиной – правда. Наше знакомство произошло помимо моей воли, и особой радости от последующего времяпровождения я не испытывал. Скорей наоборот. Всё время, что мы пребывали вместе, я постоянно чувствовал приближение неминуемой развязки, и эта развязка неотъемлемо ассоциировалась у меня в сознании со смутным, расплывчатым трепетом. Сколько времени всё это длилось? Пожалуй, нельзя сказать однозначно, потому, как само понятие времени превратилось в нечто абстрактное....

Я попытаюсь восстановить хронологию нашего знакомства. Для себя самого. Я хочу понять, каким образом моё сознание поглотило само себя? И когда стерлась зыбкая грань между сном и явью, между реальностью и вымыслом? Да и был ли это вымысел...? А если и был, то что именно является игрой воображения, а что происходило на самом деле? Но начну по порядку....

Тот памятный мне день не задался с самого утра. Вернее, с полудня, что является для меня самым что ни на есть утром, так как редко встаю раньше двенадцати. Побрившись старым и уже довольно тупым лезвием, с грустью отметил целых два боевых ранения на осунувшемся от бессонных ночей лице. Налив горячий кофе и не успев сделать ни глотка, сразу же опрокинул чашку на пол, что само по себе является плохой приметой. Дальше – больше. Придя в магазин, обнаружил, что забыл дома бумажник, а вернувшись домой, встретил хозяйку, настойчиво потребовавшую плату за проживание. В сердцах, отдав ей большую часть содержимого и без того тощего кошелька, понял, что придётся экономить на всём, чём только можно....

На этом моё терпение иссякло и, отбросив земные хлопоты в попытке избежать дальнейших провокаций со стороны и без того несправедливой ко мне судьбы, я решил продолжить написание романа. Моего первого романа. Признаюсь, я возлагал на него огромные надежды, так как решить свои финансовые проблемы каким-либо другим способом никакой возможности не видел. Ничего другого, кроме как трезво мыслить и неплохо обращаться с печатной машинкой, я, в общем-то, и не умею.

Просидев весь вечер и немалую часть ночи за письменным столом и выпив добрый десяток чашек крепкого кофе, я так и не уловил желанную, бродившую где-то поблизости мысль относительно окончания своего творения. Первый раз за неполные тридцать пять лет я решился написать нечто – как мне кажется – стоящее, и безнадежно увяз на последних главах. Было из-за чего...! Предстояло решить судьбу главного героя, и тяжкий выбор поверг меня в уныние. Хотя, признаюсь честно, и выбора как такового не было – моему персонажу однозначно предстояло погибнуть во имя добра и во благо человечества, для того чтоб хоть как-то сохранить свою положительность. Но, уже подведя к неизбежному, мне вдруг стало по человечески жаль его. Я чувствовал, что не могу решиться, не могу заставить себя написать всего несколько строк.... Приступая к роману, я не заглядывал вперёд, потому как не мог предугадать ход собственных мыслей и желаний. Слишком многое зависит от самых разнообразных факторов – начиная от моего сиюминутного настроения и заканчивая окружающей в конкретный момент обстановкой. Да много от чего, что в повседневной жизни кажется малозначительным, но в творческом процессе так или иначе подталкивает к кардинальным переменам в создании образа. Ведь в большинстве случаев я наделял героя собственными взглядами на те или иные аспекты жизни, мои собственные мысли изливались из

его уст, и его чувства, эмоции, даже жесты были мои собственные. И признаюсь, мне импонировали произошедшие в нём перемены, но осознание неотвратимости заставляло подавлять возникшую симпатию. Многократно возвращаясь назад, я пытался отыскать или даже выдумать какие-либо изъяны, способные изменить моё отношение к придуманному мной же человеку. И не мог...! Не потому, что их не было. Были, и даже с излишком. Но мне они представлялись такими милыми грешками, без которых добродетель становится притязательной и даже невыносимой. И они – эти самые грешки – даже в совокупности не претендовали на Божью кару....

В этот момент, стоило только подумать о Божьей каре, в мою голову пришло, безусловно, абсурдное и в то же время откровенно волнующее сравнение. Внезапная мысль поразила своей простотой и глубиной одновременно. Она буквально вытолкнула меня из вязкого плена неразрешимой, казалось, дилеммы, заставила мгновенно позабыть о мучившей доселе проблеме выбора и полностью переключиться на осенившее вдруг открытие. В чём оно состояло?

Признаюсь, я сравнил себя с Богом. С Творцом, с Господом, с Всевышним, как угодно – суть одна.... Откуда явилась такая дерзкая мысль? Так ведь в данный момент я пытался распорядиться судьбой и даже жизнью – пусть вымышленного персонажа – но всё же человека. Точно так же как Бог распорядится нашими судьбами и жизнями. Более того, за время работы над романом я слишком увлекся, наделяя героя своими собственными чертами, и в конечном итоге он стал неотъемлемой частью меня самого. Получается, что в настоящий момент мне предстоит решать чуть ли не свою судьбу...?

Не на шутку разволновавшись, я попытался представить каково это – решать судьбы людей? Причём не на приземлённом уровне, как то делают обличённые властью такие же люди – политики, судьи, члены попечительских советов и многие другие, а более глобально, с самого момента рождения и до последнего вздоха. Чем вообще надо руководствоваться, вынося тот или иной приговор...? Что ещё, кроме обострённого чувства справедливости, может повлиять на окончательное решение...?

В голове один за другим возникали вопросы, на которые я не знал, да и не мог знать ответы. Через пару часов бесплодного самоистязания, лишившись последних сил, я отложил исписанные листы на край стола и перебрался на диван. Сон пришёл мгновенно, стоило лишь сомкнуть разом потяжелевшие веки.

Глава 2

...Налитые жизнью тяжёлые колосья пшеницы плотной стеной окружают маленького мальчика, с радостным криком бегущего по бескрайней позолоте поля навстречу яркому солнечному диску. Мальчику лет семь-восемь. Белокурые непослушные волосы обрамляют покрасневшее от быстрого бега личико с огромными голубыми глазами, курносый носиком и широко открытым в крике ртом. Беззаботный мальчуган, нарушающий безмолвное величие залитого солнцем простора то громким радостным криком, то счастливым безудержным смехом. Высокие, выше его головы, упругие колосья сдерживают его, мешают продвижению, цепляясь за ноги в растоптанных кожаных сандалиях с наполовину оторванными ремешками, стянувшими узкие детские стопы. Коротенькие штанишки с множеством разномастных заплат постоянно норовят сползти, и мальчугану приходится часто подтягивать их, одной рукой возвращая на худенькие бёдра. Рубашка с разорванными локтями и единственной чудом уцелевшей пуговицей развеивается на тёплом ветру подобно маленькому цветастому флагу.

Сомкнув узкие ладошки и вытянув руки вперёд, сорванец разрезает плотную стену сухих стеблей и продолжает бег навстречу яркому солнцу. «Марк, вернись...!» – раздаётся женский крик где-то далеко позади. Но мальчуган, взорвавшись новым приступом беззаботного счастливого смеха, продолжает движение. «Марк! Вернись немедленно...! Марк!!!»

Залитое солнцем море неожиданно заканчивается и картинка резко меняется. Маленькая меблированная комната заполнена выдавшими виды предметами первой необходимости. Старый продавленный диван, колченогий стол с тремя отвратительно скрипящими стульями, чудом сохранившими донельзя вытертую грязно-серую обивку, сервант с оборванными дверцами и небольшой набор помнившей лучшие времена посуды. Грязный подоконник хранит следы множества кулинарных изысков, накопившиеся за долгие-долгие годы.

Вид из окна открывается великолепный. Уставший от дневной суеты город полностью погрузился в беспросветную пелену душной летней ночи. Широкий проспект заполнен самой разномастной публикой. Никто не торопится, прогуливаясь неспешным шагом вдоль ярко освещённых витрин дорогих магазинов вперемешку с неоновыми огнями всевозможных кинотеатров и казино. То белоснежные, то иссиня-чёрные длинные лимузины подъезжают к стеклянным дверям и застывают в ожидании расторопного швейцара, спешащего открыть дверцы и выпустить из обитого натуральной кожей нутра очередную парочку желанных клиентов. Вальяжные походки, баснословно дорогие костюмы и платья, блеск золота и бриллиантов...

Возле окна стоит молодой человек и сквозь запылённые немытые стёкла смотрит на сверкающую разноцветными огнями улицу. Его губы плотно сжаты, образуя на напряжённом лице узкую бледно-розовую полоску. Немигающий взор прищуренных голубых глаз устремлён вниз, на манящее и недоступное великолепие. Руки сжимают подоконник с такой силой, что костяшки пальцев побелели. В глазах сверкает нечто, похожее на плохо прикрытую ярость. «Не надо, Марк... Не думай об этом...» – слышится в глубине комнаты чей-то усталый голос. Молодой человек будто не слышит. Он продолжает не моргая наблюдать за чужим праздником жизни. В тишине слышно его тяжёлое напряжённое дыхание. «Не надо, Марк. Неизвестно, кому лучше... Не думай об этом...» Мужчина медленно, словно заставляя себя, отворачивается от окна и отходит. Сев за накрытый дырявой клеёнкой колченогий стол, закрывает лицо руками...

И вот уже новая сцена. Пустынная вечерняя улица хранит молчание. За освещёнными окнами жилых домов двигаются безмолвные тени. То быстрые, то медленные, маленькие, большие... Самые разнообразные, но во всех них есть нечто объединяющее, присущее всем

вместе и каждой в отдельности – в их движениях сквозит заметная усталость. На город скоро и неумолимо опускается ночь. Лёгкая приятная прохлада уже коснулась выщербленного асфальта и потрескавшейся, местами облупившейся штукатурки на стенах домов.

Тишину разрывают звуки далёкой пока сирены и громкий топот. Немногочисленные припозднившиеся прохожие испуганно шарахаются от бегущего им навстречу человека. Натянутая на лицо чёрная маска не позволяет разглядеть его лицо, лишь две аккуратные прорези в глубине своей обнаруживают растерянный, полный отчаяния взгляд голубых глаз. Тяжёлая сумка в руках сковывает движение, но человек не стремится выбросить её. С другой стороны улицы слышен крик: «Марк, прячься...! Быстрее во дворы, Марк...!» Человек бросается в подворотню за секунду до появления жандармов, бегом пересекает несколько одинаковых безликих дворов и натывается на кирпичную стену. Тупик. Но за стеной свобода. Всего два метра кирпича отделяют его от свободы. Обернувшись назад, он прислушивается к вою приближающейся сирены и решается. Сумка летит через стену. Разбежавшись, он подпрыгивает и цепляется руками за край кирпича. Подтянувшись, опрокидывает тренированное тело через преграду....

Вой сирены пропадает, наступает тишина, изредка разрываемая негромкими стонами и горячим шёпотом. На огромной, застеленной белоснежными простынями кровати мужчина и женщина. Слившись в жарких объятиях, они воспринимаются как единое целое. Некое существо, устроившее безумную борьбу с самим собой на молочном шёлковом татами. Богато обставленная комната наполнена тяжёлым ароматом разгорячённых тел. На мгновение все звуки затихают, но лишь для того, чтобы вновь взорваться сладострастным стоном освобождения. Существо замирает, устав от собственного безумия, и в этот момент раздаётся утомленный грустный голос женщины: «Марк, уходи... Нет, Марк, тебе пора... Уходи, слышишь...?» Существо разделяется на мужчину и женщину. Женщина остаётся лежать, широко раскинув тонкие руки и ничуть не стесняясь своей наготы. Мужчина встает и молча одевается. Светлые волосы сбились под прикосновениями хрупких рук, сжимавших его голову. Ярко-синие, горящие остаточной страстью глаза избегают встречного взгляда бесстыжей красавицы. Чуть приоткрытые алые губы подрагивают, словно желая исторгнуть не присущие моменту слова. Нестерпимое, откровенно жестокое безмолвие усугубляет и без того явно гнетущую сцену. Он становится на одно колено возле кровати и склоняется над женщиной, целуя её грудь, губы, глаза. «Уходи, Марк. Тебе надо уйти. Иди, Марк...» Мужчина медленно, не оборачиваясь, выходит, закрывая за собой тяжёлую дверь....

Ночная тьма тут же окружает его силуэт, но лишь на мгновение. Всего лишь миг, и былая тишина разрывается треском выстрелов и близких взрывов. Чёрное покрывало ночи сплошь испещрено яркими бликами пожаров и вспышками рвущихся гранат. Трассирующие пули подобно диким обезумевшим пчёлам пронзают густой мрак и со свистом уносятся куда-то вдаль. Грохот, выстрелы, крики и душераздирающий вой раненых смешиваются в единую адскую какофонию. «Марк, уходим...!» – слышится истеричный крик. Пронзительный вопль заглушает все остальные звуки и рвёт барабанные перепонки. «Уходим, Марк!!! Назад!»

Перед глазами мелькают почерневшие от копоти и дыма корявые останки жилых домов с пустыми глазницами окон. Разбитый взрывами искорёженный асфальт и перемешанная с кровью грязь обочин. И трупы, трупы, трупы... Бегущий мужчина одет в военную форму. Он движется из последних сил, с огромным трудом передвигая свинцовые ноги в неимоверно тяжёлых, облепленных кровавой грязью сапогах. Его форма в грязи, одна рука прижимает к груди другую и сквозь чёрные от всё той же вездесущей грязи сбитые пальцы сочится ярко алая кровь. Его рот раскрывается в беззвучном крике боли и отчаяния, воспалённые от усталости и дыма голубые глаза слезятся, светлые волосы потемнели от копоти. Он бежит изо всех сил, падает, кричит от боли и вновь поднимается. Осталось преодолеть

совсем немного, спасение за той серой деревянной дверью, что виднеется в конце улицы. Лишь там он будет в безопасности. «Беги, Марк...! Бе-е-е- ...!» Крик обрывается на полуслове. Но вот уже и желанная дверь. Мужчина рывком тянет её на себя и бросает своё измождённое тело внутрь единственного уцелевшего в этом хаосе дома....

Сон оборвался внезапно. Не знаю, что подтолкнуло к пробуждению – то ли приснившийся кошмар, то ли какое наитие, но я открыл глаза в тот самый момент, когда входная дверь начала медленно открываться. Она скользила сама по себе, без единого скрипа, постепенно показывая ранее скрытый чёрный прямоугольник пустого проёма. Лёгкий испуг посетил моё сердце, заставив затаить дыхание. Что происходит...? Я прекрасно помню, как запер дверь перед тем как сесть за роман. Замок старый, даже я открываю его не с первого раза, да и сама дверь скрипит подобно кошке, которой прищемили хвост. Но только не сейчас – дверь двигалась совершенно бесшумно! Испуг нарастал, я и вовсе перестал дышать, силясь расслышать хоть какие-нибудь шорохи, объясняющие непостижимое уму действие. В этот самый момент в непроглядном проёме появилось какое-то свечение. Белый, словно дымка свет неумолимо нарастал. Подобно вязкому туману он проникал в комнату, наполняя её странной зыбкой пеленой. Я помню, как дёрнулся было встать с дивана, но неожиданно почувствовал сильную слабость во всём теле. Руки и ноги резко налились невыносимой тяжестью, но лишь на миг, а затем разом обмякли, потеряв былую чувствительность. Сердце словно перестало биться, хотя секунду назад ещё гремело набатом в заполненной страхом груди. Я перестал чувствовать собственное тело, но с его внезапной и необъяснимой потерей пропал и страх, посетивший меня ранее. Полный покой и нереальное – казалось – умиротворение заполнили всё то, что раньше взывало к панике. После этого мне оставалось лишь неотрывно смотреть на дверь, уже твёрдо зная, что именно оттуда придёт объяснение происходящему. Так и вышло. Перед моим взором в залитом белым светом прямоугольнике возникла женщина....

Глава 3

Вернее, сначала просто расплывчатый силуэт на белом фоне, но уже в тот момент я понял, что это женщина. Высокая, стройная, одетая в белоснежный длинный балахон, она двигалась прямо ко мне неестественно лёгкой, плывущей походкой. По мере приближения я смог разглядеть её лучше. Накинутый на голову капюшон скрывал длинные светлые локоны густых золотистых волос. Ярко выраженные черты прекрасного до невозможности лица были чересчур бледны, но эта бледность не казалась болезненной, а воспринималась абсолютно естественно. Светло-голубые, будто выцветшие глаза неотрывно смотрели на меня и, встретившись взглядом, я поразился мудрости и терпимости, открывшимся в её взоре. Незнакомка вплотную подошла к моему старенькому дивану и – мгновение помедлив – села в ногах. Моё удивление возросло ещё больше, потому как разбитый диван не только не заскрипел, но даже и не прогнулся под её весом.

– Здравствуй, Марк... – тихим мелодичным голосом сказала, словно пропела, гостья. Еле слышно произнесла, но я понял, а скорее даже прочувствовал, её слова. Негромкий напев будто проник через все клеточки моего всё ещё безвольного тела, заполняя его изнутри.

Я попытался кивнуть, не в силах вымолвить ответного приветствия. Незнакомка чуть улыбнулась уголками бледно розовых губ.

– Не догадываешься – кто я? – раздалось внутри меня.

Я попробовал отрицать, но вновь не смог пошевелиться. В этот момент в голове промелькнула чудная мысль: «Ангел...?». Женщина склонила голову и, неторопливым жестом подняв руки, скинула капюшон. Золотистые локоны рассыпались по плечам.

– Да, Марк. Ты прав, я – ангел. И я пришла за тобой....

В любой другой ситуации я бы не на шутку перепугался, но не в тот момент. Тогда я воспринял данное заявление как должное. Вернее, я чувствовал, что мне ничего не угрожает, но объяснить собственные спокойствие и уверенность не мог. Да, в принципе, и не пытался это делать.

– Не бойся, – знакомка не отводила тёплого ласкового взгляда от моего лица. – Я не причиню тебе вреда. Просто какое-то время ты проведёшь со мной.

«Но каким образом...?» – вопрос напрашивался сам собой и я в который уже раз попытался открыть рот. Очередная неудача, но видимо что-то промелькнуло в моих глазах, потому как гостья вновь улыбнулась.

– Не пытайся говорить, Марк. Во-первых, какое то время ты не сможешь это делать, а, во-вторых, оно, собственно, ни к чему. Я читаю твои мысли, если ты ещё не заметил.... Таким образом мы будем общаться. Как ты сможешь двигаться, сейчас объясню. Ты знаешь, что такое кома?

«Да» – подумал я. Самое интересное, что о состоянии комы я слышал уже давно, но в общих деталях, и лишь месяц назад от нечего делать прочитал в журнале статью, посвящённую этому феномену.

– Молодец, что вспомнил. Мои старания не пропали зря....

Женщина протянула руку и накрыла бледной узкой ладошкой мою ладонь, лежавшую поверх одеяла. Я почувствовал сильное тепло, исходящее от неё, но в то же время не ощутил ни самого прикосновения, ни сжимания, ничего, что должен был ощутить. Тепло волнами начало подниматься по руке всё выше и выше, постепенно заполняя каждую клеточку. Дойдя до плеча, лёгкой рябью скатилось на грудь, чтобы далее уже разлиться по всему телу. Я ловил собственные ощущения, удивляясь происходившим переменам. Прошло совсем немного времени, и вот я уже целиком оказался окутан приятной густой пеленой.

– Ты ведь не боишься, Марк?

Зачем она это спрашивала? Ведь прекрасно знала ответы на все свои вопросы....

«Нет, не боюсь.... Как мне тебя называть?»

– Изабель.... Меня зовут Изабель.

Изабель.... Красивое имя и, как мне показалось, оно очень подходит этой женщине. Я на секунду сомкнул веки, в этот момент гостья поднялась и переместилась к подоконнику. Именно переместилась, потому как необычность её походки в том и заключалась, что она не делала никаких шагов, а словно плыла по воздуху, чуть касаясь пола. Она остановилась возле окна, и какое-то время молча наблюдала за ночной улицей. Затем обернулась, причём все движения казались настолько плавными, будто и не совершались вовсе.

– Помнишь, о чём ты думал перед сном? Какую проблему пытался решить? С кем сравнил себя, помнишь, Марк?

Нас разделяла комната, но её голос всё так же настойчиво проникал в мой мозг. Вместе с тем я почувствовал неведомые ранее интонации приятного напева. Я расслышал в нём несомненную власть и в то же время сожаление – так разговаривают с любимыми детьми, когда их надо отругать за какие-либо шалости, но очень не хочется этого делать.

– У тебя появилась возможность сделать то, о чём ты думал. Говоря точнее, вынести вердикт в отношении незнакомых тебе людей. Предваряя твой следующий вопрос, сразу скажу – ты избранный, Марк. Очень и очень немногим позволено что-либо подобное. Почему именно тебе, а не кому-то другому, не скажу. Позже узнаешь сам, всему своё время.

Она замолчала, словно о чём-то задумавшись, но пауза длилась недолго.

– Я тебя хочу сразу попросить, Марк.... Предстоит очень нешуточное предприятие, в процессе которого от твоего решения будет зависеть действительно многое. Отнесись к этому настолько серьёзно, насколько только это возможно....

«Но...» – попытка возразить была пресечена лёгким взмахом точёной ручки. Широкий рукав безвольно взметнулся в воздухе и застыл. Изабель, согнув руку в локте, ладонью сделала плавное движение вниз.

– Не перебивай и не спорь, Марк. Это одно из главных условий нашего с тобой общения. Второе – ты слушаешь и выполняешь все мои указания, какими бы странными они тебе не показались. И третье.... Ты увидишь и прочувствуешь многое, о чём никогда не задумывался и даже не подозревал, Марк, но ты должен укротить собственные эмоции. Я не буду давать тебе никаких советов, ни в коем случае не буду ни к чему подталкивать.... Ты понял меня?

«Да, понял...». Я согласился со своей гостьей машинально. На самом деле мой разум отказывался воспринимать происходящее как реальность. Где-то в глубине сознания я желал проснуться, прервать этот сон, но в то же время любопытство подталкивало к продолжению столь необычного знакомства. Изабель улыбнулась, видимо прочитав и эти сумбурные мысли. Протянув руку вперёд, она прошептала:

– Позже проснёшься.... Вставай, Марк, нам пора идти.

Неподдельное удивление, промелькнувшее в моём взгляде, подвигло её к тому, что Изабель медленно сомкнула веки и слегка склонила голову, подтверждая, что я правильно понял смысл её слов. Мне же стало как-то очень легко во всём теле. Без каких-либо усилий поднявшись с дивана, я сделал шаг к женщине и с удивлением отметил, что моё древнее ложе и сейчас привычно не скрипнуло. Что случилось с мебелью, которая пережила свои лучшие годы задолго до моего рождения...?

Не знаю, что подтолкнуло меня обернуться назад. Какое наитие заставило взглянуть через плечо на только что покинутую постель? Но то, что я увидел, повергло меня в самый настоящий шок, заставив закричать от неожиданности.

На диване, накрывшись до подбородка свалаявшимся пуховым одеялом и вытянув руки вдоль худого, неподвижного тела, лежал... я сам. То же осунувшееся, с заострёнными чер-

тами лицо, которое я каждый день с грустью разглядывал в мутном зеркале над умывальником. Те же спутанные пряди светлых волос, давно не знавшие шампуня и горячей воды. Те же худощавые руки с длинными, тонкими, как у пианиста пальцами. И колечко на мизинце – подарок женщины, которую я когда-то безумно любил – то же самое. Никаких сомнений, это я сам, только излишне бледный и безмятежный.

Лёгкое прикосновение заставило меня замолчать так же резко, как и мрачная картина понудила открыть рот чуть раньше. Изабель, стоя чуть сзади, положила ладонь мне на плечо, и снова покой приятными волнами хлынул вниз по телу, заполняя меня изнутри.

– Успокойся, Марк. Всё будет хорошо....

Не в силах вымолвить ни слова, я показал рукой на диван.

– Оно останется здесь. Завтра утром его увезут в больницу, а через какое-то время вы вновь соединитесь. Я же говорила тебе про кому, Марк, так что ничего страшного не произошло.

Всё это было произнесено таким спокойным тоном, словно ничего особенного не случилось. Подумаешь, кто-то покинул собственную плоть, чтобы немного прогуляться по ночному городу.... Что особенного...? Изабель опять улыбнулась уголками бледно-розовых губ. Голубые глаза смотрели на меня со снисхождением. Плавным жестом она указала на входную дверь.

– Пойдём, Марк, а то я чувствую, что тебе не по себе. Давай прогуляемся, по пути поговорим....

Глава 4

Мы покинули моё опустевшее – если не считать бездыханное тело на старом диване за обитателя – жилище и по лестнице спустились во двор. Могу сказать, что мои ощущения от простых передвижений были непередаваемыми. Когда преодолеваешь расстояние только лишь с помощью желания, не прилагая никаких маломальских усилий, это что-то. Я мог двигать ногами, размахивать руками, но всё это было совершенно ни к чему....

Изабель вслед за мной выплыла во двор и на пороге остановилась.

– Подожди, Марк. Мы сейчас выйдем на улицу, постарайся держаться ближе ко мне. Договорились?

Я кивнул. Её предупреждение вызвало у меня некоторое удивление, потому как непонятно – чего можно опасаться на пустынной улице ночного города? А тем более в нашем районе, населённом в основном рабочими и докерами с порта, которые в это время видят уже далеко не первый сон. Но, всё же, вняв предупреждению своей новой знакомой, я постарался держаться как можно ближе к ней. И не зря...!

Едва мы выплыли на улицу, как огромная толпа самой разномастной публики чуть не разобщила нас. Причём людей как таковых не было вовсе.... Куда ни глянь, вокруг сплошь были ангелы. Мужчины-ангелы, женщины-ангелы, дети-ангелы, старики-ангелы.... Размеренные плавные движения, степенные, важные разговоры, галантные жесты.... Бледно серая река привидений – если можно так выразиться – окружила нас с Изабель, вовлекая в круговорот неторопливого бытия. Немного придя в себя, я постарался более внимательно разглядеть окружающих и с удивлением отметил разность их ликов, причёсок, одеяний. Возникло ощущение, что вся многовековая история человечества в лице отдельных представителей была сосредоточена сейчас на обычно пустынной улице ночного города. Римские тоги проплывали бок о бок с мундирами французской армии времён Наполеона, аристократические котелки приподнимались в ответ на приветствие взмахом клетчатых кепи, напудренные парики мирно соседствовали с непослушными длинными локонами а-ля хиппи....

– Они все ангелы...? – невольно вырвалось у меня.

– Удивлён? – раздался совсем рядом голос Изабель. В какофонии самых различных языков, наречий, диалектов, он оставался единственно различим. Все остальные звуки сплетались в одно целое, и выделить какие либо фразы или даже слова было практически невозможно. – В каждом городе есть подобная улица. Только люди об этом – естественно – не знают....

Продолжая разглядывать окруживший меня сонм бестелесных созданий, я не удержался:

– Но почему они все такие разные? Честно говоря, я представлял себе ангелов как людей с огромными крыльями за спиной, в длинных светлых балахонах, похожих друг на друга....

– Вовсе не обязательно, – улыбнулась Изабель. – Каждый выбирает себе тот облик, который наиболее близок ему самому. Наш образ – воплощённые в реальность фантазии, причём далеко не всегда соответствующие прошлой жизни на земле. Просто это то, кем бы мы хотели быть, то, что нам ближе духовно....

Слушая ангела, я тем временем пытался уловить хоть частичку разговора из общего гула голосов, но не мог понять ни единого слова. Изабель заметила мои потуги.

– Хочешь знать, о чём они говорят? Можешь не стараться, всё равно ничего не выйдет. Собеседники изолированы от окружающих и могут общаться лишь друг с другом.

– Почему? – спросил я и тут же, несколько запоздало, поразился звуку собственного голоса. Не присущая моим речам напевность и бархатные тона резко контрастировали с резкими, отрывистыми фразами, которые ранее извергало моё брненное тело.

– А зачем? – вопросом на вопрос ответила Изабель и на какое-то время замолчала, видимо, ожидая от меня проблесков интуиции. Не тот случай.... Не дождавшись возможных вариантов, пояснила: – Мы получаем только нужную нам информацию, не обращая внимания на посторонние, не имеющие отношения ни к нам самим, ни к нашим подопечным, разговоры. Вступать в контакт между собой мы можем легко, не чувствуя ни языковых, ни каких других барьеров, но лишь когда это действительно нужно....

– Ты сказала подопечным....

– Да, Марк. Ты мой подопечный, ведомый, называй, как хочешь – суть одна, и ты у меня не единственный. Просто в данный момент я больше занята с тобой, чем с остальными....

Не прекращая объяснений, Изабель ловко лавировала между окружающими и влекла меня за собой. Едва поспевая, я чуть не столкнулся с высоким господином в длинном сюртуке и роскошном цилиндре, который улыбнулся в ответ на мою несуразную попытку приветствовать его и тут же устремился куда-то вдаль, оставляя за собой лёгкую дымку, быстро таявшую в абсолютно недвижимом воздухе.

– Что это с ним? – не сдержал я любопытства, дёрнув за широкий рукав свою опекушу. – Куда он пропал?

– Почувствовал угрозу для своего ведомого.... Скорей всего, поступил сигнал.

Я хотел спросить, что за сигнал, но сдержался. Слишком много впечатлений, слишком много непостижимого и фантастического происходило вокруг меня, да и со мной самим. Я не чувствовал страха, не пытался бежать, не сомневался в том, что всему, что меня окружает, есть какое-то логичное объяснение. В-принципе, я желал лишь проснуться, и в то же время хотел оттянуть как можно дольше это самое пробуждение. Я желал познать и сомневался в безвредности постижения. Двойственные ощущения, двойственные мысли, двойственные чувства....

Пока я разглядывал толпу и одновременно пытался прислушаться к происходящим в сознании переменам, мы прошествовали мимо нерабочего фонтана в виде двух красивых полуобнажённых девушек, венчающего середину длинной улицы. Осталось преодолеть четыре квартала и перед нашими взорами предстанет набережная. В это время из-за угла стоящего впереди обшарпанного жилого дома появилась фигура мужчины, бредущего нам навстречу. Он шёл, тяжело понутив голову и явно не замечал многоликую толпу, окружающую его со всех сторон. Грузный силуэт сильно отличался от окружающих выразительной законченностью черт, угрюмой насыщенностью красок, грубостью движений.... Человек? Меня поразило что ангелы, которые попадались у него на пути, абсолютно не обращали внимания на движущуюся навстречу преграду и, не прекращая милой беседы, спокойно просачивались через мужчину, так же как дым проникает через тонкую оконную тюль. Расстояние между нами сокращалось довольно быстро и через полминуты мы оказались лицом к лицу. Признаюсь, в последний момент я просто-напросто струсил и торопливо нырнул в сторону, видимо не привыкнув ещё к своей новой ипостаси. Я успел заметить его уставшее после долгого дня обветренное лицо и тёмные, припухшие от бессонницы глаза. На какое-то мгновение наши взгляды даже пересеклись, как мне показалось, но человек не увидел меня. И тогда мне вдруг стало не по себе.... Не знаю, чего я ожидал, но именно в тот момент я с болью осознал, что для мира людей меня больше не существует. Вернее, где-то лежит моя плоть, которую утром найдёт хозяйка квартиры; её увезут в больницу, где положат на белоснежные крахмаленные простыни под паутину капельниц, наденут кислородную маску, подключат к приборам и так далее и тому подобное.... Но это уже не я, а лишь оболочка.

Бренная, лишённая жизни, внутренне обезличенная оболочка. А меня, Марка Конти, тридцати четырёх лет, начинающего писателя и жителя Марсея – уже нет!!!

– Успокойся, Марк. Я же обещала, что ты ещё вернёшься. Твоё время ещё не пришло, поверь мне, а раньше чем должен, ты не уйдёшь....

– А когда должен...? – ухватился я за спасительную мысль, но Изабель словно не слышала вопроса. Она остановилась так резко, что я машинально пролетел ещё несколько шагов вперёд, прежде чем заметил её отсутствие.

– Иди сюда...! – милое лицо Изабель превратилось в застывшую маску. Она будто прислушивалась к чему-то, недостижимому для остальных, в том числе и для меня. Я торопливо приблизился вплотную к ней. – Надо лететь, Марк. Закрой глаза....

Глава 5

Я послушно выполнил её указание и почувствовал узкую ладонь, сжавшую мои пальцы. Куда лететь? Зачем? Что случилось? Множество вопросов рвалось с языка, но задать их своей спутнице я так и не успел. Неведомая сила толкнула меня вперёд, я почувствовал порывы шквального ветра вокруг себя, но через несколько секунд всё разом стихло. Мы остановились....

– Делай, что я скажу, и ни во что не вмешивайся, – в голосе Изабель послышались стальные нотки. Куда делся благозвучный, радующий слух напев...?

Открыв глаза, я огляделся. Мы стояли посреди уютно обставленного помещения на вытоптанном ковре ручной работы. По мебели, по внутреннему убранству и главным образом по бревенчатым стенам я понял, что это одна из комнат большого деревянного дома в каком-нибудь селе. Кружевные салфетки на резных стульях, белоснежная скатерть, венчающая большой круглый стол, на котором стояли две одинаковые тарелки и накрытый салфеткой хлебный каравай, сшитое из разноцветных лоскутков покрывало на пустующей железной кровати, аккуратно застеленной накрахмаленным бельём. Это всё смутно напомнило мне собственное детство в забытой Богом деревушке на юге Франции. На стене висели чёрно-белые фотографии каких-то людей. Судя по схожим чертам – несколько поколений одной семьи. Продолжая озираться вокруг и мысленно воздавая хвалу радивым хозяевам, я уловил лёгкий шум за входной дверью. Рука Изабель стиснула мою ладонь.

– Иди туда, – она указала на застеленную покрывалом кушетку в противоположном от входа углу. – Стой там и ни в коем случае не вмешивайся, что бы не происходило. Ни в коем случае, Марк...!

Мне не надо было повторять. По выражению бледного лица ангела я понял, что происходит нечто из ряда вон выходящее и моё присутствие здесь как минимум неуместно. Едва я переместился на указанное мне место, как в комнате раздался чуть слышный шорох и мутное беспросветное облако, просочившись сквозь закрытую дверь, замерло на месте. Не надо было напрягать зрение, чтоб разглядеть в дымке очертания сгорбленной фигуры в длинном бархатном балахоне. Стоя спиной к нам, пришелец протянул руку к двери и уже утопил ладонь в дощатой обивке, когда раздался напряжённый голос Изабель:

– Стой, Мэрдок! Ты не сделаешь этого...!

Фигура замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду. Вытянутая вперёд рука медленно вернулась на место. В тишине, которую поистине можно было назвать гробовой, раздалось свистящее шипение, будто кто-то выпустил воздух из велосипедной камеры.

– Опять ты, Изабель...? Давно же мы с тобой не встречались....

Мэрдок резко развернулся, отчего полы бархатного балахона взметнулись вверх. Сложив руки на груди, он замер, глядя на Изабель, и мне удалось неплохо рассмотреть непрошеного гостя. Невысокий сухощавый старик, одетый в длинное полумонашеское платье, которое со спины я принял за плащ. Тонкие губы сжаты, злые, с красными белками глаза светились ненавистью и необузданной злобой. Первое, что я испытал, разглядев его с ног до головы, был ни с чем не сравнимый ужас. Я помню, что меня даже передёрнуло от трепета, и хищный взгляд старика тут же устремился в мою сторону.

– Привела новенького, Изабель...? Я слышал, что ты почти завершила искупление. Думал, больше не встретимся, а оно вон как сложилось. Опять ты мне дорогу переходишь....

Он перевёл взгляд кровавых глаз на мою спутницу и препротивно хихикнул:

– Что, слишком много грехов за тобой накопилось, раз до сих пор в астрале блуждаешь?

– Не твоё дело, Мэрдок, – безжизненный голос Изабель всё больше поражал меня. – И Марка не тронь.... Уходи, так будет лучше....

– Лучше...? Лучше? – хрипло рассмеялся старик. – Кому лучше? Тебе? Мне? Ему? – он выкинул сухую жилистую руку в моём направлении. – А может этим людишкам...? – рука описала круг над его головой. – Или тому..., который за дверью? А если я не хочу, чтоб кому-то стало лучше? Неужели ты забыла, что мы по разные стороны, Изабель? Неужели думаешь, что я отступлюсь от цели, к которой шёл так долго? Десять человеческих лет я вёл этого мальчишку..., – его тонкий бескровный палец вновь указал на закрытую дверь, за которой слышался шорох чьих-то осторожных шагов. – Целых десять лет не спускал с него глаз... Я слепил из него пример для подражания, образчик злобы и ненависти ко всему живому...! Остался последний шаг! Всего один шаг, и он полностью будет в моей власти... И что теперь? Появляешься ты и предлагаешь мне убраться восвояси? И всё зазя, из-за какой то дряхлой старухи, которая даже ничего не почувствует? Да она только рада будет переселиться к тебе да к своему муженьку, по которому столько лет изводится... Всё кроватку ему перестилает, полотенчики чистые вешает, стол, вон, накрывает. Надеется, что он вернётся... Отсюда не возвращаются!!! Вот я ей подарок и сделаю, обеспечу встречу с благоверным... Как, Изабель?

Всё время, пока длился этот монолог, я не сводил глаз со старика. Злоба исказила его и без того отталкивающее лицо, но интонации оставались прежними. Его вкрадчивый, проникновенный тембр обволакивал меня. Именно такой голос должен быть у коварного искуссителя, склоняющего жертву к чему-либо непотребному. Признаюсь, меня самого начали посещать сомнения в нашей миссии. А что нам – вернее Изабель – предстоит исполнить, я уже догадался со слов старика. Мэрдок, прочитав мои мысли, уловил колебания, и хищный взгляд вновь переметнулся в мою сторону.

– Какой великолепный материал! – я сразу догадался, что это относится непосредственно ко мне. – Отдай мне его, Изабель? Я многому могу научить этого Марка. Марк и Мэрдок – звучит великолепно, неправда-ли, молодой человек? – его голос заполнял меня, будто кольцами сжимая и выворачивая внутренности, которых не было. Не найдя что ответить, я опустил голову, чтоб не встречаться с ним взглядом.

– Последний раз говорю – уходи! – вмешалась Изабель. Она чуть сдвинулась в сторону, закрывая меня от старика.

– А то что...? – вкрадчивые интонации сменились раздражёнными нотками. – Ты мне угрожаешь, ангел? Мне, Мэрдоку...?

Я увидел, как чёрная тень метнулась под потолок. То, что происходило далее, трудно назвать битвой в нашем её понимании – не было грома и молнии, не было грохота взрывов и лязга мечей, не было ничего, что обычно сопровождает великие баталии. То, что произошло, можно назвать противоборством энергий, положительной и отрицательной, но отсутствие привычных в подобных сценах крови, боли и страха вовсе не смягчало проходящего. Зародившийся внутри меня ранее липкий ужас достиг своего апогея и лишь финал противостояния добра и зла вывел меня из оцепенения. Раздался вой. Нечеловеческий, жуткий вопль сопровождал поражение и бегство неприятеля....

Глава 6

Когда чёрное, в серых просветах облако ретировалось с поля боя, спешно просочившись сквозь доски входной двери, я чуть не захолопал в ладоши. Все звуки разом стихли, лишь слышны были тяжёлые отзвуки удаляющихся шагов.

– Марк, помоги..., – раздался приглушённый голос Изабель. Мне и в голову не пришло, что она может пострадать, поэтому я стоял, восторженно глядя на дверь, за которой скрылся поверженный Мэрдок. Её слова, а ещё более, тень страдания в голосе, вывели меня из ступора. – Помоги, Марк. Нам надо выйти отсюда....

Я бросился к ангелу в тот момент, когда Изабель начала медленно оседать на пол. Подхватив её на руки, я заметил как-то разом осунувшееся красивое лицо и наполненный болью страдальческий взгляд, и чуть ли не бегом устремился к выходу, но перед закрытой дверью замер. Как её открыть, если руки заняты теряющей последние силы раненой женщиной...?

– Иди вперёд..., – раздался слабый шёпот. – Иди сквозь дверь, не бойся.

Не бойся...? Легко сказать.... Но особо раздумывать было некогда. Послушав Изабель, я сделал шаг вперёд и увидел, как моя нога проходит сквозь доски, совершенно не чувствуя преграды. Сомнения отпали и через несколько секунд я уже был на заднем дворе.

– Остановись, – приказала Изабель, когда мы оказались посреди засеянных овощами ухоженных грядок. – Положи меня здесь и отойди подальше.

– Но....

– Никаких «но», Марк. Отойди к сараю.

Я выполнил и это требование, переместившись к приземистому строению, внутри которого были слышны лёгкие шорохи то ли птиц, то ли животного. Не отрывая взгляда от измученного лица женщины, по движению её бледных, почти бескровных губ, я понял, что она шепчет какие-то слова. Молитва? Неужели для неё всё кончено? Оглядев с ног до головы лежащую фигуру, я только сейчас обратил внимание на то, что её полупрозрачное одеяние оказалось порядком истрёпано и во многих местах зияли сквозные дыры с рваными краями. Она ранена!?

Целый ворох тревожных мыслей мгновенно заполнил мою голову. Неужели и вправду Изабель не выживет после жестокой битвы и Мэрдок окажется победителем? Но чёрт с ним, с Мэрдоком, а я сам-то, я что буду делать? Кто меня вернёт обратно, в моё тело? Страх начал заполнять меня изнутри и мысли одна тревожнее другой хаотично сменяли друг друга. Изабель по-прежнему продолжала нашёптывать молитву. Надо было что-то делать, но что...? Я решил всё же справиться у ангела, как мне быть дальше и уже сделал движение в её сторону, когда окрестности внезапно озарились мягким голубоватым свечением. Что это? Откуда? Оглянувшись по сторонам, но так и не найдя источника, я задрал голову вверх и с ужасом воззрелся на столб яркого белого света, нисходящий промеж налитых грозой туч, затянувших ночное небо. Он быстро опускался всё ниже и, коснувшись земли, образовал ровную окружность диаметром около трёх метров, в центре которой лежал мой ангел. Внутри столба циркулировали потоки белого густого дыма, опускаясь всё ниже и ниже, пока не поглотили распостёртое на земле тело. В сарае за моей спиной послышалось тревожное кудахтанье кур и бляенье перепуганной овцы. Я читал и слышал от других людей рассказы о том, что животные чувствуют многое, что недоступно восприятию человека. Настало время убедиться в этом. Но не хватало ещё, чтобы они разбудили хозяйку. Можно представить, какое впечатление произведёт на женщину подобная картина.... То, что не удалось Мэрдоку, вполне может выйти у нас. Я с тревогой смотрел на крыльцо дома, мысленно уговаривая хозяйку не просыпаться....

Тем временем белый дым внутри столба растаял подобно утреннему туману при восходе солнца, и замкнутое пространство заполнилось миллиардами ярких бликов, повторяющих винтообразное движение дыма. Свет стал настолько сочным, что я невольно зажмурился. Но и эта фаза представления продлилась недолго. Какое-то наитие подсказало мне, что всё закончилось, и я открыл глаза. Белоснежная труба пропала, словно её и не было, а на месте светового круга, как ни в чём не бывало, стояла живая и невредимая Изабель. Надо ли говорить о том, что моей радости не было предела?

– Изабель! – с радостным криком бросился я к ангелу. Женщина улыбнулась и протянула руки. Наши ладони соприкоснулись, и я почувствовал это прикосновение!!! Или, может, мне просто показалось...?

– Всё в порядке, Марк... – Изабель смотрела на меня с сожалением. – Ты сильно перепугался?

Мне вдруг стало неловко. В то время как она – израненная, полуживая – лежала на земле, я больше думал о том, как мне вернуться обратно. Кто я после этого, если не конченный эгоист? И даже то, что я нахожусь не в своём, а в её измерении, не могло служить оправданием. Смутившись как провинившийся подросток, я убрал руки за спину.

– Ну-ну, Марк. Не надо себя казнить за это. Осознание неблагоприятности своего поступка – первый шаг к исправлению. И ты его уже сделал. Поверь мне, это очень многого стоит, Марк.

– Да, может быть, – я решил, что Изабель меня успокаивает. – Но ведь ты могла погибнуть...?

Подняв взгляд на ангела, я увидел, что тень грусти пробежала по бледному лицу. Изабель жестом предложила пройтись и мы покинули двор. Какое-то время, проплывая над пыльной, разбитой колёсами телег и копытами домашнего скота, дорогой, молчали. Двигаясь в сторону огромного диска луны, разлившей печальный таинственный свет на покосившиеся избы и одинаковые коробки сараев, я рассматривал пустынные дворы, пытаюсь угадать, кто может проживать в том или ином доме. Вот на маленькой, огороженной невысоким заборчиком площадке, виднеются застывшие от невнимания качели. Здесь явно живут дети, которые с наступлением утра огласят окрестности радостными криками. В крестьянских домах редко бывает один ребёнок, и местные семьи вряд ли являются исключением. Следующий двор пребывал в такой запущенности, что даже дорожка к дому заросла бурьяном. Можно было предположить, что там и вовсе никто не живёт, если бы не развешенные на верёвках постиранные вещи. Сплошь мужская одежда, причём не в самом лучшем состоянии. Скорей всего какой-нибудь местный пьянчужка, который всё же периодически пытается привести себя в порядок, но на большее ни сил, ни желания уже не хватает.

Во многих дворах я заметил собак, которые при нашем появлении испуганно поджимали хвосты и тихонько поскуливали, провожая взглядом непонятную парочку. Серая кошка, спрыгнув с невысокого забора прямо перед нами, тут же с громким шипением выгнула колесом спину и замерла. Я сделал движение в её сторону, отчего бедное животное с рёвом влетело обратно и мгновенно скрылось в ближайшем сарае, откуда тотчас послышался грохот.

Село закончилось, и нашим взорам открылась бескрайняя, уходящая в горизонт пустынная степь. Извилистая лента дороги рассекала её надвое и терялась в ночном мраке. Далеко по левой стороне виднелась высокая возвышенность, похожая на поросший кустарником холм. Изабель, как я понял, направлялась именно туда.

– Скоро рассвет, Марк. Ты когда последний раз наблюдал за восходом солнца?

Я растерялся. Честно говоря, я вообще ни разу не наблюдал сей процесс, в чём честно признался женщине.

– Пойдём... Поверь, не пожалеешь – пообещала Изабель и вновь погрузилась в тягостное молчание. До тех пор, пока мы не оказались на вершине, она не проронила ни слова.

Поднявшись на холм, Изабель жестом предложила мне присаживаться прямо на высокую траву и сама устроилась рядом.

Глава 7

За то время, пока мы шли, ветер разогнал облака и бескрайний, испещрённый миллиардами звёзд невесомый купол накрыл спящую землю. Мы сидели бок о бок в ожидании рассвета, и я неожиданно представил происходящее со стороны. Кто мы с Изабель? Две души кочующие во мраке и присевшие передохнуть в ожидании рассвета. Причём, уже даже не нашего рассвета. Что он может принести нам, кроме воспоминаний для неё и прекрасного зрелища для меня? Если мы уже не подчиняемся земному времени, существуя в другом измерении, то зачем, для чего нам осознавать наступление нового дня...?

– Ты неправильно рассуждаешь, Марк, – певучий голос ангела вырвал меня из размышлений, но я даже обрадовался этому. Наконец-то она прервала начавшее меня угнетать молчание. – Во-первых, ты не забывай, что ещё вернёшься в свою грешную обитель. И, поверь мне, будешь по настоящему радоваться каждому рассвету в своей жизни, когда поймёшь, что он знаменует ещё один день. Но это у тебя ещё впереди. Если брать сегодняшний день, то я сейчас радуюсь рассвету не за себя, а за Марию. За ту женщину, которую нам удалось спасти....

Как только она сказала про спасённую женщину, я тут же вспомнил свой страх, который испытал, глядя на раненую Изабель. Что если опять произойдёт нечто подобное и ангел не сможет одолеть Мэрдока или кого-нибудь ещё?

– Для тебя ничего страшного не случится, Марк, – тут же прочитав мои мысли, откликнулась женщина. – То, чему ты стал сегодня свидетелем, происходит постоянно. Чуть ли не каждый человеческий день... Если не со мной, то с другими ангелами. Да и Мэрдок далеко не единственный в своём роде.

Она опять замолчала, и, опустив взгляд на землю, провела ладонью по верхушкам высокой травы. Упругие стебли остались недвижимы под бледными тонкими пальцами.

– Это и есть борьба добра и зла, Марк, – продолжила она, словно паузы и не было, – и эта борьба будет длиться вечно....

– То есть ты вечно будешь воевать с Мэрдоком? – не удержался я и тут же прикусил язык. Собственный вопрос показался мне обидным. Желая как-то исправить неловкость, я всё же решил уточнить: – Ведь ты же можешь убить его?

Изабель грустно улыбнулась уголками бледно розовых губ.

– Нет, Марк, я не могу убить его. И сама не могу погибнуть. Ставка в этой борьбе не наша жизнь или смерть, а нечто более ценное. Не догадываешься – что?

Я недоумённо пожал плечами. Что может быть важнее, чем собственная жизнь?

– Есть кое-что важнее. Мы бессмертны, Марк, и ставкой в этой борьбе является не что иное, как человеческая душа. Если бы сегодня победил Мэрдок, его ведомый стал бы убийцей, то есть взял бы на себя самый страшный грех. Но наша победа забрала у него силы, и теперь тем человеком, которого привёл Мэрдок, займутся ангелы. Кто знает, может у них получится отвернуть его с порочного пути.

– Но Изабель, ты ведь тоже была ранена...? Ты тоже потеряла свою силу?

– Да, но моя сила восстановлена....

Я тут же вспомнил столб белого света, спустившийся с неба на раненого ангела. Значит, таким образом Изабель восстановила свои силы? Но если есть возможность набирать силу, то почему не сделать так, чтоб она не пропала? Ведь Изабель испытывала мучения, я сам видел страдание на её лице.

– Страдание во благо ведёт к искуплению. А находясь в астрале, мы и стремимся искупить грехи, накопленные за время нашего брэнного существования. Пока этого не произойдёт, перехода не будет. Поэтому у каждого свой срок, Марк....

– А ты сама уже долго здесь? Ну, в астрале? – не удержался я. Вопрос прозвучал провокационно, но Изабель ответила не раздумывая.

– Долго, очень долго. И сколько ещё пробуду, не мне решать. Но поверь, Марк, как бы оно ни было, оно того стоит....

Я обратил внимание, что при этих словах на Изабель словно снизошло просветление. Черты лица расслабились, от былой грусти не осталось и следа. Не верилось, что эта женщина смогла накопить столько грехов, что её искупление неотъемлемо от страданий. Мой следующий вопрос не заставил себя ждать:

– Ты можешь рассказать о себе? Кем ты была при жизни, Изабель? Что такого ты совершила, что обременяет тебя столько времени?

– Позже расскажу, – не оборачиваясь, произнесла женщина и протянула руку вперёд. – Смотри, Марк, солнце встает...!

Я перевёл взгляд на горизонт, где, изобличая тонкую грань между землёй и небом, начал расти ярко жёлтый диск. Вернее, сначала лёгкие перистые облака, лениво плывущие по мрачному небосводу, осветило зарево далёкого пока пламени. Еле заметная дымка придавала действию ореол фантастичности, но как только первые лучи затронули макушки далеких деревьев, она пропала, словно и вовсе не было этого едва заметного дрожания воздуха. Быстро набирая силу, юркие лучики заскользили по земле, проникая в самые укромные уголки и пробуждая ото сна всё живое. Я сидел с открытым ртом зачарованный зрелищем, неотрывно глядя, как яркий свет буквально вспарывает, казалось, непроницаемую толщю мрака, занимая всё новые и новые позиции в упорной борьбе....

– Тебе нравится? – нежный напев оторвал меня от созерцания. Я настолько увлёкся этим, пытаюсь уловить каждую мелочь – будь то первый вскрик разбуженной птицы, первый шаг маленькой, ранее не замеченной мной ящерики под ногами, первый блик на поверхности далёкой реки.... – Что ты чувствуешь, Марк?

– Даже не знаю..., – я не врал. Я действительно не понимал, какими словами можно выразить бушевавший во мне коктейль из неизъяснимого восторга и вселенской грусти. А грустно мне было осознавать, что не будь Изабель, не приключись со мной эта история, я никогда не постиг бы таинство рождения нового дня. Запершись в своих квартирах, замыкаясь в серой тягомотине будней, в погоне за фальшивым материальным счастьем, люди не в силах обрести душевное счастье, одно из составляющих которого преподносится им каждый день свыше абсолютно задаром. – Я никогда не думал, что это настолько... сказочно..., что-ли.

– Да, ты прав.... Это действительно сказочно, Марк, и я – так же как и ты – поняла это слишком поздно. Вот только у тебя – в отличие от меня – ещё есть возможность всё исправить.

Я опять расслышал грустные нотки. Признаюсь, в этот момент мне показалось, что Изабель сейчас разоткровенничается, поведаст о себе, но прошло какое-то время, а мы всё так же хранили молчание....

– Ты каждый день встречаешь рассвет? – поинтересовался я, когда мы уже двигались навстречу пылающему диску. Моя спутница выглядела рассеянной, и мне хотелось каким-нибудь образом вывести её из этого состояния.

– Да, если есть возможность....

И опять напряжённое, удручающее молчание.

– А куда мы идём, Изабель?

– Скоро узнаешь....

Вновь тишина. Я прекратил бесплодные попытки разговаривать ангела и стал разглядывать окружающую нас степь, благо обзор был великолепный. Раскинувшись на много кило-

метров вокруг, высохшая под палящим летним солнцем земля с трудом возвращала редкие островки зелени. Разросшийся ковыль тихо шелестел под порывами тёплого ветерка.

Вдали, у подножья приземистого, поросшего мелким кустарником холма я разглядел вереницу людей, пешком идущих на юг. Пять человек, бредущих посреди безмолвия....

– Изабель, подожди.... Давай посмотрим, кто это?

Она проследила за моим жестом и заметила странников. Не говоря ни слова, слегка изменила направление....

Глава 8

Чем ближе мы приближались к людям, тем серьезней становилась Изабель. В какое-то мгновение мне показалось, что тень тревоги пробежала по красивому лицу моей спутницы. Я не мог понять, что происходит и дабы выяснить причину столь явных перемен, принялся внимательней разглядывать идущих.

Как я уже сказал ранее, их было пятеро. Пять взрослых мужчин приблизительно равного возраста, одетых довольно разношерстно, но одинаково бедно. Грубой материи подпоясанные верёвками штаны развевались на ветру. Суконные рубахи, шитые сельскими мастерицами – скорее всего жёнами или же матерями – были насквозь пропитаны потом и липли к разгорячённым телам страдальцев. Они двигались друг за другом тяжело передвигая грязные от пыли босые ноги в разбитых потрепанных сандалиях. Двое опирались при ходьбе на длинные корявые палки наподобие посохов. Последний нёс за плечами котомку, наполовину набитую каким-то скарбом. «Скорей всего нехитрая снедь», – пришла мне в голову мысль.

– Крестьяне..., – раздался певучий голос Изабель. В её интонациях также проскользнула напряжённость. – В город, на заработки подались....

– Что-то не так? – не выдержал я. – Что с тобой?

Жест ангела заставил меня прекратить расспросы. Быстрый взмах и словно застывшее в воздухе движение тонкой кистью. Изабель, бросив быстрый взгляд на лица бредущих по пыльной дороге, устремилась вперёд, обогнав нестройную колонну и легко оторвавшись от неё. Повторяя её манёвр, я также впери́л взгляд на усталые обветренные лица, но ничего особенного в них не заметил. Изабель, двигаясь впереди, явно что-то искала, осматривая широкую пыльную тропу. Наконец, достигнув участка, на котором поперёк дороги лежала изогнутая тёмно серая палка длиной около метра, она остановилась.

– Смотри, Марк! – она кивком указала на палку, как только я приблизился. Приглядевшись, я понял, что на самом деле это не что иное, как вылезшая погреться на утреннем солнышке гадюка. Змея лежала совершенно неподвижно и единственное, что могло насторожить случайного прохожего, это само присутствие подобного предмета в этой местности. Случайный прохожий...? Я резко обернулся назад. Крестьяне были ещё далеко, но с каждым шагом неотвратимо приближались к опасности.

– Надо остановить людей! – тревога ангела передалась и мне. Я понял, что сейчас может – а скорей даже должна – произойти трагедия. Неужели мы будем безучастно ждать развязки? Я бросил взгляд на Изабель, но та даже не шелохнулась.

Сказать, что я удивился, значило ничего не сказать. Я взирал на ангела в полной растерянности, не в силах вымолвить ни слова. Изабель опустила взгляд на землю.

– Мы не можем помочь, Марк. Один из них сейчас погибнет. Его путь закончился, и не в моих силах продлить его. И тем более не в твоих....

Моя растерянность отступила, сменившись праведным гневом в отношении бездействия Изабель. Что она говорит? Ведь она – ангел!!! Тот, кто оберегает человека, отводя от него любые беды и напасти. И сейчас хранитель будет смотреть, как нелепо погибнет человек?

– Но почему, Изабель?! – я понял, что кричу, не в силах сдерживаться. – Почему не можем? Потому что он не твой ведомый? Не хочешь сама помочь, скажи мне как это сделать! Пока не поздно, скажи, Изабель!!!

– Марк, это не в наших силах..., – её голос был необычайно спокоен. – Этот человек исчерпал себя, и большее ему не дано. У каждого свой путь, который рано или поздно заканчивается....

– А я продолжу его! – меня прямо-таки колотило от злости. Бросившись к спящей змее, я попытался ударить её ногой, но ничего не получилось. Моя ступня проходила сквозь распростёртое на дороге гладкое тело, не причиняя ему никакого вреда. Осознав бессмысленность собственных действий, я рванулся по дороге обратно к крестьянам. Оказавшись в мгновение ока подле первого мужчины и ткнув ему в грудь руками, закричал не своим голосом. Во-первых, для того чтоб как-то обратить его внимание на себя, во-вторых, потому, что мои ладони насквозь пробили ему грудь и вышли из спины. Со следующим шагом я весь погрузился в его тело, но лишь на мгновение. Передо мной уже было грустное лицо следующего странника. Я прошёл и сквозь него, но и этот человек ничего не заметил. Следующий... Тот же эффект! Ещё один... Вновь то же самое! И тут, пройдя сквозь четвёртого путника, я замер от ужаса...

Последний крестьянин чуть приотстал от остальных и шёл, опираясь на тяжёлый посох и слегка подволакивая правую ногу. Он был точно так же как и сотоварищи одет, такая же усталость сквозила в походке, всё то же самое, кроме... Его лицо...! Я взгляделся в грубые черты и сразу понял, кто именно исчерпал себя в этой жизни. Впавшие, лишённые блеска глаза, опустошённый отсутствующий взгляд, от которого веяло могильным холодом. Черты лица обострились и казались высеченными из бледно голубого камня, настолько жёсткими выглядели широкие, обтянутые кожей скулы. Сжатые в узкую бледную полоску обветренные губы вторили вековому молчанию раскинувшейся вокруг степи... Я попытался прочесть его мысли, но наткнулся на звенящую пустоту. Ничто не тревожило его разум, ничто не отвлекало от последних тяжёлых шагов к конечному рубежу...

Я когда-то читал, что перед смертью лицо человека становится абсолютно пропорционально, то есть одна сторона является зеркальным отражением другой. И это было действительно так. Я видел перед собой не лицо человека, наделённого какими-либо эмоциями, чувствами, способное выразить какие-то переживания посредством мимики, а всего лишь маску. Ужасающую по своей незамысловатости и в то же время отчуждению маску смерти...

Тем временем компания приближалась к роковой отметке. Идущий первым крестьянин, не дойдя несколько шагов до растянувшейся поперёк дороги змеи, поднял взгляд в небо. Что он желал там увидеть – не знаю... Скорей всего изнуряющая духота породила мысли о долгожданном дожде, и он в надежде посмотрел на безоблачную гладь. Тем не менее, его сандалии опустились в нескольких сантиметрах от гадюки и продолжили поднимать лёгкие клубы пыли с пересохшей земли...

Второй странник, уже сжимающий в руках посох, безучастно перешагнул через лежавшую на тропе преграду и продолжил монотонное движение. Двое следующих были немного схожи между собой. Их глаза светились теплом и на губах играло подобие улыбок. Они думали о доме, вспоминая семьи, причём в мыслях и одного и другого периодически мелькали одни и те же лица. Из этого я сделал заключение что они, по-видимому, братья. Пребывание в радужных воспоминаниях позволило и первому и второму преодолеть страшное препятствие, машинально сделав нужный шаг чуть шире остальных и не обратив на него особого внимания.

Настала очередь обречённого... Он немного отстал от основной группы и теперь ускорила шаг, желая нагнать товарищей. Опираясь на посох, крестьянин торопливо перебирал стопами. От усталости больная нога уже открыто волочилась по земле, поднимая лёгкие клубы жёлтой пыли и оставляя заметную дорожку на песке. Шаг, ещё шаг... Внезапно меня посетила грустная мысль. Он торопиться к исходу... Может быть, он и стремился нагнать других, но на самом деле это было вторичное желание. Более даже рефлекс, чем самое желание. Главенствующим составляющим конечного рывка стала необратимость, интуитивно воспринимаемая уже не разумом, а душой этого человека...

Здоровой ногой он переступил через спящую змею и поднял взгляд на товарищей. Я не знаю, что он почувствовал в этот момент, но мне показалось, что спустя мгновение этот человек вдруг осознал происходящее и уловил ледяное дуновение смерти. Его губы дрогнули, веки распахнулись, обнажая воспалённые белки с красными прожилками лопнувших от постоянного недосыпания сосудов, руки сжались в кулаки так, что костяшки пальцев побелели. Больная нога, обутая в разбитую на бесчисленных дорогах сандалию преодолела последние сантиметры и ткнулась носком в лежавшую в дорожной пыли гадюку. Гибкое длинное тело взметнулось ввысь, на секунду припало к бедру мужчины и тут же свалилось обратно в пыль. Отомстив нечаянному обидчику, змея ретировалась с места неприятной встречи, оставляя на песке извилистую полосу следа, и исчезла в зарослях травы. Тишину, нарушаемую лишь шарканьем тяжёлых шагов и тихим шелестом ветра, разорвал громкий протяжный стон....

Глава 9

Я стоял подле места развернувшейся на моих глазах трагедии и пытался осмыслить собственные ощущения. Горький осадок, отложившийся внутри, не позволял воспринимать происходящее адекватно. С одной стороны я осознавал, что помочь несчастному мы действительно ничем не могли. С другой стороны, я никак не мог принять это осознание и смириться с ним. Так уж заведено, что смерть сама по себе считается апофеозом несправедливости, забирая либо не тех, либо не в то время. И как бы ты не осознавал свою брэнность и неизбежность исхода, как бы не готовился к заключительному шагу, разрывающему зыбкую связь с миром людей, он всегда наступает внезапно. Я уверен, что этот крестьянин, преодолевший неприметный рубеж несколько минут назад, не раз думал о смерти. То, страшась её прихода и усиленно отгоняя шальные мысли относительно закономерности процессов бытия, то, взывая к ней, принимая как избавление и очищение. Человеческая натура многолика и порой мы диву даёмся, переосмысливая свои слова или поступки, свершённые чуть ранее....

Но сейчас меня волновали не потаённые стороны человеческого естества, а та лёгкость и естественность, с которой душа человека переходит в потусторонний мир. Когда несчастный испустил свой последний вздох, его душа покинула брэнную оболочку и какое-то время изумленно взидала сверху на собственное, распостёртое на земле, тело и окруживших его людей. После, заметив наше присутствие, испуганно шарахнулась в сторону и неожиданно замерла. Скорбь отразилась на бледном лице новоявленного призрака. Он застыл на некоторое время, явно осмысливая происходящее, затем медленно перевёл взгляд на меня и наши взгляды встретились. Как же много говорили его глаза...! И страх перед неизвестностью, и боль за родных и близких, и желание вернуться, и горечь от собственного бессилия что-либо изменить.... Нескончаемая череда чувств и эмоций пролетела перед моим взором в течение нескольких секунд, после чего мужчина быстро развернулся и устремился в сторону своего дома. Своего бывшего дома....

– Не кори себя, Марк, – голос Изабель вырвал меня из грустных размышлений. – Я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но поверь – ничего ужасного не произошло. Вернее, по человеческим меркам это более чем ужасно, но, по сути.... Он всего лишь перешёл в параллельное измерение, и продолжает жить, но уже в другой ипостаси. Через какое-то время этот человек вернётся на землю в ином облики, начнёт другую жизнь и, кто знает, вполне возможно, что проживёт её более разумно, чем эту.

– Но ведь он мог ещё что-то исправить и в этой жизни? – я услышал, как дрожит мой голос. – Он не стар, вполне здоров, у него есть желание! Вернее, теперь уже было желание.... Почему нельзя было дать ему ещё один шанс? Всего лишь один-единственный шанс...?

– Ему давали этот шанс, Марк, и далеко не один. Любому человеку постоянно предоставляется право выбора, – в напеве Изабель зазвучали нотки раздражения. – Мы помогаем сделать правильный выбор, вплоть до того, что показываем вероятные варианты развития событий. Правда, люди редко осознают предоставленные им возможности рассмотреть собственное будущее.... Те же вещи сны, неожиданные проблески интуиции, когда ты твёрдо знаешь, что произойдёт через некоторое время. Но, я отвлеклась.... Последнее слово всегда остаётся за ведомым, и здесь ничего не поделаешь. Каждый день и час, да что там – каждое мгновение – большинство из вас находится на распутье. Но не все выбирают правильный путь. А если точнее, очень немногие отдают предпочтение единственно верному варианту. Вы их называете везунчиками, баловнями судьбы.... На самом деле всё иначе. Судьба ведёт человека лишь после того, как он отказывается от предоставленной ему возможности выбирать, пускает на самотек, как саму жизнь, так и своё непосредственное участие в её обу-

стройстве. Грубо говоря, это некий коридор, в котором чётко указан курс и недопустимы какие-либо отклонения. А вот уже из этого коридора выбраться практически невозможно....

– Почему?

– Потому, что к хорошему быстро привыкаешь. Зачем утомлять себя раздумьями, если можно слепо придерживаться проложенного кем-то курса? Зачем прибегать к импровизации, если тебя абсолютно устраивают размытые временем шаблоны? Очень часто элементарная лень становится камнем преткновения на пути к совершенству. И та же лень зачастую подвигает человека брать на душу грех. Возьмём ту же зависть? Разве она не является производным от нашей лени? Я могу привести множество других примеров, но мне кажется, ты и так всё понял.

Я утвердительно закивал головой. По мере того, как протекала речь ангела, я мысленно отклонялся от первоначальной причины разговора и перешёл к рассмотрению своего собственного существования. Кто я сам? Отдался ли в цепкие руки судьбы или ещё имею возможность всё исправить? Где и когда я ступил не на тот путь, на который надлежало бы?

– всю нашу земную жизнь, Марк, можно рассматривать не иначе как постоянное пребывание в зале ожидания с огромным световым табло, на котором указаны самые разные направления, и куда ты двинешься дальше, сколько будет длиться твоё путешествие, и будет ли это билет в один конец, зависит лишь от твоего единоличного выбора. И выбор этот ты делаешь каждую минуту на протяжении всей своей жизни.... У тебя ещё будет шанс, Марк Контти, – лёгкая рука ангела легла мне на плечо. – У тебя ещё будет....

Горечь сквозила в этих словах. Изабель выделила слово «тебя» и я понял, что в этот момент она думала о себе. Почему? Что пришлось совершить этой женщине в мирской жизни, что до сих пор тяготит её раскаянием? Я не преминул огласить свои вопросы, на что Изабель опять грустно улыбнулась и повторила уже слышанную мной фразу:

– Может быть, позже расскажу. Нам надо идти, мой друг....

– Куда?

– Вперёд, Марк. Всегда иди вперёд....

И мы пошли. Вскоре мы обогнали уже знакомую нам компанию, несущую на импровизированных носилках, сделанных из двух посохов и четырёх рубах, лишённую жизни оболочку несчастного соратника. Они шли молча, и напряжённые лица выражали скорбь вперемешку с откровенным страхом. Цепкие взгляды, которые они бросали на дорогу и прилегающие к ней островки невысокой травы, красноречиво свидетельствовали о сковавшем их сердца ужасе. Глядя на печальную процессию, я поймал себя на мысли, что уже не так тягостно воспринимаю внезапную гибель крестьянина. Похоже, речь ангела возымела должное действие и, оглядываясь вокруг, я думал о том, что несмотря ни на что жизнь продолжается. Всё так же растёт трава, так же светит солнце, так же дует лёгкий тёплый ветерок.... Маленький мохнатый зверёк быстро прошмыгнул под нашими ногами и нырнул в едва заметную норку. Белокрылая бабочка вершила свой хаотичный полёт на фоне ярко голубого небосвода....

Голос ангела оторвал меня от наблюдений за лишёнными какой-либо логики и последовательности движениями крылатой красавицы. Изабель, следившая за мной всё то время, пока я разглядывал окрестности, и сделавшая для себя необходимые выводы, протянула руку и коснулась моего плеча:

– Ты готов к первому испытанию, Марк?

Я растерялся. К какому испытанию? Что она придумала?

Улыбка тронула губы ангела, но голубые глаза смотрели на меня по-прежнему серьёзно. Цепкий, изучающий взгляд окончательно поверг меня в смущение.

– Изабель, я действительно не понимаю, о чём ты? Разве мы говорили о чём-то подобном?

– Конечно, Марк. Вспомни, зачем ты здесь...?

Я всё понял. На фоне последних событий у меня совершенно вылетела из головы суть моего обращения. Я напрочь забыл о своём романе, о мучительном выборе, о беспрецедентном сравнении... Да вообще о том, что я всё ещё живой человек, временно перешедший в параллельное измерение. И теперь мне предстояло исполнить то, зачем я сюда явился. Но готов ли я к этому? Я призадумался. Что именно мне предстоит определить? Срок человеческой жизни...? Тяжесть накопленных грехов...? Что?!!

– Не волнуйся. Лишь дающий жизнь вправе взять её обратно, и никто другой, кроме Бога. Тебе же предстоит определить, виновен тот или иной человек и насколько он заслуживает наказания. Но не думай, что это очень простое задание. Тебе надо отбросить лишнее и следовать лишь голосу своего сердца. Сможешь ли ты? Я думаю, что да...

Я вдруг почувствовал небывалое волнение. Не страх, не желание отказаться от данной миссии, а именно волнение. Услышу ли я голос сердца? А услышу – пойму ли его? Что, если у меня не получится, и я разрешу не по справедливости, а по сиюминутной прихоти, по воле навеянного действием настроения? И как вообще это всё будет происходить?

Изабель словно ждала этих вопросов.

– Во-первых, если твой вердикт в отношении обвиняемого будет необоснован или же вынесен под влиянием чувств, он будет пересматриваться. Но твоё мнение будет учитываться, Марк, поэтому я ещё раз хочу напомнить тебе о серьёзности миссии... А насчёт того, как всё это будет происходить... Мы совершим с тобой путешествие в пространстве и во времени. Ты увидишь этих людей, и будешь наблюдать за ними какой-то отрезок их жизни. Познаешь суть свершённого ими греха и обстоятельства, толкнувшие на это. А дальше дело за тобой, Марк... Ты готов?

Я заметил грусть, промелькнувшую во взгляде ангела. Лишь на мгновение светлый взор точно заволокло дымкой, которая тут же бесследно растаяла, но я всё же успел. Мне показалось, что Изабель что-то не договаривает, но прямо спросить её об этом я почему-то не решился. Может, потому что знал – ответа не последует?

За всё то время, что мы с Изабель были вместе, я проникся к ней безграничным доверием и ещё каким-то чувством, очень похожим на земную любовь. Я осознавал, что присутствие ангела необходимо мне как воздух, что её мелодичный напев тревожит мой слух наслаждением, что я готов на многое, лишь бы вновь ощутить то прикосновение её тонких рук, которое, как я считал, мне действительно не показалось. Если в другие разы, когда она брала меня за руки либо прикасалась ладонью к моему плечу, я просто осознавал, что она это делает, но не испытывал никаких ощущений, то тогда, в деревне... Я словно опять почувствовал тепло её ладоней, ощутил бархат её кожи... И я жаждал ещё раз испытать подобное!

– Я готов, Изабель, – собственный голос показался мне чужим. Неужели это всё происходит со мной на самом деле? Или же это всего лишь затянувшийся сон...?

– Закрой глаза, Марк...

Глава 10

История первая

– Господи, ну куда же запропастился этот сорванец? – женщина вытерла тыльной стороной ладони капельки пота, выступившие на лбу от тяжёлой работы вкупе с вечерней духотой, и отставила грабли в сторону. – То целый день проходу не даёт, то наоборот – не дозовёшься....

Склонившись к земле, она легко подхватила корзину, наполненную собранной после прополки травой, и неспешно двинулась в дальний угол двора. Шёпот ветра почти заглушил её ворчание, но даже сейчас можно было понять, что ругань не несёт в себе полноценной злости, и в каждое слово вложена частичка материнской любви.

Высыпав траву на заднем дворе и повесив освободившуюся корзину на дверцу сарая, женщина вытерла руки передником и, чему-то улыбаясь, направилась к калитке. Застыв подле добротной сбитой изгороди и приложив руку ко лбу, она долго всматривалась в распротёртое за дорогой поле. Высокие, налитые жизнью колосья тянулись почти к самому горизонту, лёгкий тёплый ветерок, будто играя, ласково пробегал по трепетной поверхности золотого моря. Присмотревшись, она заметила, как в одном месте верхушки тяжёлых колосьев склоняются вопреки направлению ветра, словно кто-то плывёт в золоте, пуская короткие волны в разные стороны. Счастливая улыбка озарила её лицо, и, сложив руки лодочкой, она крикнула в импровизированный рупор:

– Рауль, вернись...! Вернись немедленно, Рауль...!

Порыв ветра донёс до её слуха беззаботный детский смех. Уловив его звук, женщина вновь заулыбалась, и смахнула с ресниц вдруг выступившую слезу. Развернувшись, молча направилась в дом, готовить ужин.

Примерно через час с улицы раздалось громкое ржанье лошади. Выбежав на крыльцо, она увидела отворявшего ворота мужа. Он вёл на поводу их кормилицу – белогривую Долли, на широкой спине которой со счастливой улыбкой восседал недавний беглец.

– Рауль, как тебе не стыдно..., – попыталась отчитать маленького негодника хозяйка, но её голос задрожал от умиления.

– Не злись, Мария, – мужчина легко снял с лошади мальчика и, поставив на землю, положил тяжёлую руку ему на плечо. – Рауль ко мне прибежал, на ужин позвать. Вот мы и пришли....

Мужчина ласково потрепал непослушные светлые волосы довольного собой мальчишки и повёл лошадь в стойло. Рауль тем временем, смущённо улыбаясь, приблизился к женщине и ткнулся лицом в передник.

– Не ругайся, мама, – заканючил он жалобным голоском. – Я хотел тебе сюрприз сделать....

– Молодец, сынок. Тебе это удалось. Но впредь – будь добр – без моего разрешения со двора ни ногой. Хорошо?

Она склонилась и поцеловала мальчика в лоб, машинально отерев рукой грязную щеку.

– Ну-ка, быстро умываться и за стол. Сейчас ужинать будем.... Роже, ты скоро?

– Уже иду, – донёсся из глубины двора голос мужа....

Отужинав и уложив Рауля спать, Мария вернулась в комнату и при свете настольной лампы приступила к вязанию, как делала это каждый вечер. Роже, лёжа на широкой, застеленной пледом кровати, читал книгу. Шелест переворачиваемых страниц изредка нарушал установившуюся тишину. Обычный вечер, обычный дом. Обычная семья....

Мария отложила вязание и, встав с кресла, посмотрела на мужа. Книга из его натруженных рук переместилась на подушку и безмятежное выражение лица свидетельствовало

о том, что Роже уснул. Она подошла к кровати, убрала книгу и погладила тёмные кудри любимого. Склонившись, едва прикасаясь, поцеловала в покрытую жёсткой щетиной щеку и неслышно вышла из комнаты.

С приходом ночи дневная духота спала, но на дворе по-прежнему было тепло. Мария села на скамейку возле крыльца и подняв глаза к небу, долго смотрела на испещрённый звёздами купол. Её красивое лицо выражало ту степень глубокого умиротворения, когда человек боится даже пошелохнуться, дабы не спугнуть это невесомое ощущение безмерного счастья. Направленный к небу взор наполненных теплом и любовью глаз цвета далёкого от этих мест моря неспешно скользил по ярким впадинам далёких звёзд. Губы дрогнули, исторгнув преисполненную благодарности молитву. Ветер подхватывал её горячий шепот, и все живое вокруг внимало простым идущим от самого сердца словам: «Спасибо, Господи... За мужа благодарю тебя... За сына... Счастье даровал нам...»

Шелест трав передавал её слова лёгкому журчанию мелкой речушки. Она, в свою очередь, несла слова Марии дальше, подбрасывая их на гребнях невысоких волн промеж склонившихся над пологими берегами деревьев. Цепляясь за ветви, отзвуки молитвы скользили по кронам многолетних деревьев, устремляясь всё выше и выше...

«Спасибо, Господи, за день прошедший...» – новые слова уносились в небо. Дрожащий шёпот проникал повсюду, наполняя ночной мрак невидимым для глаз светом. И свет этот изливался на саму Марию, наполняя её сердце любовью и негой, теми чувствами, которые она сполна отдаст завтра своему мужу и своему маленькому сыну...

Женщина закончила молитву и ещё какое-то время молча смотрела на звёзды. После, прикрыв глаза, полной грудью вдохнула ночную свежесть и медленно приподнялась со скамьи. Проверив замок на калитке, Мария вернулась в дом.

– Ты что не спишь...? – скрипнувшая дверь разбудила Роже. Он приподнялся на локте и замер в ожидании ответа, щуря сонные глаза от света настольной лампы. Мария погасила свет и, раздевшись, легла рядом с мужем. Повернувшись набок, женщина положила руку на грудь мужу и нежно провела ладонью по густым курчавым волоскам.

– Захотелось свежим воздухом подышать... – запоздало ответила она и ткнулась носом в сильное плечо. Неожиданные слёзы сорвались с длинных дрожащих ресниц и омочили кожу мужчины.

– Что с тобой...? Ты плачешь? – явно взволнованный Роже попытался подняться, но Мария не дала ему этого сделать, слегка надавив на грудь. Тогда мужчина взял её ладонь и поднёс к своим губам тонкие пальчики. – Что случилось, милая?

– Я плачу от счастья... – слова давались с трудом, потому как горло перехватило от нежности и любви. Мария ещё сильнее прижалась всем телом к сильному телу мужа. – Сегодня, когда вы вместе с Раулем пришли домой, я еле удержалась от слёз. Ты не представляешь, что я испытала... Даже не знаю, какими словами описать это состояние. Понимаешь, как будто все мечты мои сбылись одновременно... Я вдруг поняла, что мне самой больше ничего в жизни не надо, только бы вместе быть. Я, ты, и наш мальчик...

– Но ведь так и будет, Мария, – Роже свободной рукой гладил её по голове. – Но мне кажется, ты чего-то боишься?

Мария затихла. Её дыхание стало более спокойным и Роже уже подумал, что она уснула, оставив его вопрос без ответа, когда вновь тихий шёпот нарушил устоявшуюся тишину.

– Помнишь тогда – пять лет назад – женщина из приюта сказала нам, что в будущем можно ожидать от Рауля всё что угодно. Особенно когда он узнает, что он не наш сын...

– Но, милая, это не более чем просто острастка. Я думаю, так всем говорят, чтобы люди могли ещё раз поразмыслить, прежде чем усыновить ребёнка. А Рауль..., – Роже замолчал, словно подыскивая нужное слово. – Рауль – он не такой, милая. Он наш, я чувствую это...

– Правда...? – Роже понял, что Мария улыбается. Она по детски шмыгнула носом и, приподнявшись на локте, попыталась в темноте посмотреть мужу в глаза. – Ты, правда, так думаешь, милый...?

– Правда! Спи спокойно, – Роже поцеловал жену и почувствовал привкус соли на губах. Мария плакала последний раз именно пять лет назад, когда врачи поставили ей страшный для женщины диагноз – бесплодна. Но как же разнятся эти слёзы и те...! И как же он был прав, когда предложил ей взять мальчика из приюта....

– Я люблю тебя, милый. И нашего сына очень люблю.... Спасибо вам....

Глава 11

Нетерпеливое утреннее солнце настырными лучиками всё же пробилось сквозь занавески и осветило безмятежное лицо спящего юноши. Его ресницы вздрогнули, губы скривились – молодой человек явно не горел желанием просыпаться....

– Вставай, сынок. Тебе пора в школу..., – голос матери с каждым разом звучал всё настойчивей. – Давай поднимайся, время уже вышло.

Мария приблизилась к кровати и потрясла сына за плечо. Ленивым движением он попытался откинуть тревожащую сон руку.

– Рауль, ну сколько можно? Ты уже взрослый, пора научиться вставать раньше. Так всю жизнь проспичь....

По голосу и по тому, как застыла рука на плече сына, чувствовалось, что мать любит своим ребёнком. Утренняя свежесть ещё не покинула его лицо, сменившись на ставшую привычной в последнее время маску раздражённости. Женщина с нежностью провела ладонью по давно не стриженной шевелюре непослушных светлых волос, прохладными пальцами коснулась щеки.

– Вставай, милый.... Папа уже ждёт тебя!

Рауль неохотно пошевелился и потёр глаза руками. Сладко зевнув напоследок, молча выбрался из под одеяла и прошлёпал босыми ногами по полу в направлении умывальника. Тем временем Мария суетилась на кухне, разливая чай и наскоро приготавливая нехитрые бутерброды мужу и сыну.

– Поторопись, Рауль, – попросила женщина, заметив, что сын замер возле умывальника, разглядывая себя в зеркало. В последнее время она всё чаще заставляла его за этим занятием, но на все расспросы сын отвечал неохотно, и узнать причину подобной тяги к самопознанию ей так и не удалось. – У тебя сегодня много уроков?

– Нет, – как обычно односложно ответил ей сын и ушёл одеваться. Тень грусти пробежала по милому лицу хозяйки, но лишь на мгновение. Когда Рауль вновь вышел к столу, ничто не напоминало о неприятном для матери инциденте.

Молча выпив чай и перекусив бутербродами, сын подхватил портфель и вышел на крыльцо, махнув на прощание рукой. Этот жест тоже стал довольно обыденным в последнее время. Вообще, Мария чувствовала, что ребёнок как то вдруг начал отдаляться от них с Роже и, если сначала списывала его недоброжелательность на переходный возраст, то теперь не на шутку тревожилась, пытаясь понять истинные причины. И каждый раз искала эти самые причины в себе. Искала, и не находила....

Она вышла на крыльцо вслед за сыном и с лёгкой улыбкой на лице наблюдала, как Рауль закрывает ворота за телегой, в которую отец запряг Долли. С тех пор как сын перешёл в старшие классы, он каждое утро ездил в соседнее село, потому как в их школе было лишь начальное образование. Последний год, осталось совсем немного – пару месяцев – и Рауль получит аттестат. А что дальше? Покинет их, уедет учиться в город? Сам он молчал, и на все расспросы отвечал всё так же односложно: «Не знаю». Мария же тайком лелеяла зыбкую надежду, что Рауль пойдёт по стопам отца и останется с ними, став таким же, как Роже, фермером. Но чем ближе подходило время определяться с выбором, тем сильнее ощущала Мария тщетность собственных надежд. Рауль действительно был не похож на них, и с возрастом это становилось всё ощутимее. Нельзя сказать, что сын явно был ленив, но всё же большую часть времени он предпочитал проводить у себя в комнате за чтением книг, или же погружаясь в неведомые им с мужем мечты. Как-то раз, когда Мария всё же рискнула поинтересоваться у него о причине тягостных размышлений, Рауль неожиданно резко оборвал её притязания, соорудив презрительную – как ей показалось – гримасу и небрежно обронив:

– Вам этого не понять....

Женщина вспыхнула:

– Почему ты так со мной разговариваешь, Рауль? Кто дал тебе право оскорблять мать?

Рауль скривил губы и вышел, не удостоив её ответом. Мария почувствовала, как пелена заволокла её глаза и чтобы не расплакаться, до боли прикусила губу.

«Неужели началось...? Но откуда он мог узнать...?»

Женщина терялась в догадках, в то время как причина его осведомлённости была до неприличия прозаична. В один прекрасный день, когда Мария с Роже уехали в город, а Рауль остался дома один, он в силу подросткового любопытства решил посмотреть хранившиеся под замком бумаги, спрятанные в большом бабушкином сундуке. Открыть старый замок оказалось довольно просто, и уже через десять минут молодой человек с блеском в глазах перебирал награды деда, недорогие фамильные драгоценности, оставшиеся матери по наследству и кипу документов, перевязанных лентой. Все бумаги на усыновление лежали вместе, и Рауль долго не мог оправиться от изумления, в которое его повергло неожиданное открытие. Этот день действительно стал переломным в жизни их семьи....

Мария вернулась в дом лишь после того, как телега, увозившая Роже с Раулем, скрылась за дальним поворотом. Оставшись в одиночестве, она моментально ощутила тоску. И муж, и сын давным-давно стали неотъемлемой частью её самой, и любое, даже недолгое расставание с кем-нибудь из них доставляло ей лишь горечь. Хотелось бежать вслед, просто сидеть рядом на охапках свежего сена и тайком любоваться ликами её любимых мужчин. Но... Если с отсутствием мужа, работавшего на участке на другой стороне поля, она ещё могла как-то смириться, привыкнув за многие годы совместной жизни, то даже кратковременная разлука с сыном тяготила её до слёз....

Так и сейчас. Не находя себе места, женщина вышла во двор и некоторое время безучастно бродила меж аккуратных грядок. Вышла на дорогу, всматриваясь вдаль... Осознав – в который уже раз – нелепость своего поведения и застыдившись возможного любопытства соседей, вновь вернулась в дом. Сев в кресло, принялась за вязание. Это занятие всегда помогало ей отвлечься от грустных дум. Но не в этот раз. Её мысли вновь занял Рауль. Его озлобленность, проявлявшаяся в последнее время особенно сильно, замкнутость, нежелание даже просто общаться с родителями. Она старалась не поднимать эту тему в разговорах с мужем, который большую часть времени проводил либо на своём участке, либо во дворе. Но Роже и без того, похоже, заметил некоторую отчуждённость в отношениях сына с ними. Не зря же недавно за завтраком он поинтересовался у Рауля причинами его вечно плохого настроения. Сын лишь буркнул нечто невразумительное, и на этом тема была исчерпана. Да, Роже не столь наблюдателен. Мария невольно горько вздохнула. А что делать ей? Как вернуть расположение Рауля, что сделать для того, чтоб сын вновь, как и прежде, смотрел на них с нескрываемой в голубых глазах нежностью?

Непрошенная слеза прочертила влажную дорожку на щеке женщины. Мария быстрым жестом, словно не желая признавать собственную слабость, смахнула предательскую росинку. Всё пройдёт... Всё будет хорошо. Главное, что они вместе, и на самом деле ей лишь кажется, что возникли какие-то проблемы. Да-да, именно так, она просто всё выдумала...!

Вымученная улыбка тронула подрагивающие губы матери....

Глава 12

Долгожданный день наступил. Рауль, окончив школу, сегодня получал аттестат. Стоя в длинном ряду выпускников, молодой человек весьма отличался от угловатых нескладных подростков, вместе с ним в последний раз переступающих порог взрастившей их школы. Отличный, недавно купленный в городе двубортный костюм оливкового цвета сидел как влитой на прекрасной фигуре юноши. Белоснежная рубашка хорошо подчёркивала естественный загар красивого, хотя и несколько надменного лица, главной достопримечательностью которого являлись ярко голубые озёра прищуренных глаз. Благородная осанка, точёные линии рук, тонкие, как у пианиста пальцы с чистыми ухоженными ногтями. Плотные сжатые губы – казалось – вот-вот готовы растянуться в презрительной усмешке....

Мария любовалась сыном и в то же время не узнавала его. Откуда взялся этот внутренний холод, заставляющий мать невольно ёжиться при одном взгляде на своего ребёнка? Откуда появилось эти снисходительно-пренебрежительные интонации в милом сердце голосе? Откуда эта терзающая сердце и душу матери стала в ранее бесконечно нежном взгляде? Стоявший подле Роже с гордостью указал ей на сына:

– Смотри, мать. Наш-то лучше всех будет...?!

Он до сих пор настойчиво не замечал происходившие с сыном изменения, и Мария, раз затронувшая волнующую её тему и встретившая искреннее изумление со стороны вечно занятого мужа, оставила бесплодные попытки. Скорей всего, она просто испугалась, что Роже примет её наблюдения за вымысел и ещё того гляди обидится на неё. Как бы оно ни было, Мария решила сохранить свои подозрения при себе....

Аттестат вручён, слова прощания и пожелания произнесены, и вот уже пыльная лента дороги тянется под колёсами. Роже счастлив и горд за сына, Рауль задумчив и возбуждён, Мария счастлива и напугана. Поздравляя Рауля, она поцеловала его в щёку, но сын не ответил, а наоборот, смутился и попытался отодвинуться от прильнувшей к нему матери. Застеснялся? Или нечто иное, более страшное? Материнское сердце ныло от необъяснимой тревоги, но женщина старательно отгоняла от себя минорные мысли. Казалось бы – солнечный день, праздник, они вместе, счастливы, что ещё надо? Боль не отступала. Тревожные предчувствия, тяготившие Марию как никогда сильно, должны были вскоре оправдаться. И это произошло в тот момент, когда никто не ожидал....

Праздничный стол ломился от угощений. Роже хотел пригласить соседей, но Мария отговорила его, сославшись на то, что праздник всё-таки больше семейный. На самом деле ей безумно хотелось побыть втроём в этот радостный день. Мать, отец и сын. Идиллия, которую может нарушить даже просто присутствие стороннего человека....

Накануне женщина целый день не отходила от плиты. Разнообразием блюд мог позавидовать не самый плохой ресторан, и Мария втайне гордилась собой. Она всю душу вложила в то, чтоб праздник удался, и теперь млела от счастья, глядя как сын второй раз наполняет тарелку. Роже, подложив себе большой кусок жареной телятины, поинтересовался, хитро глядя на Рауля:

– И что же ты дальше собираешься делать, сынок?

Юноша, не поднимая глаз от тарелки, негромко произнёс:

– В Марсель поеду....

Сердце матери неприятно кольнуло. Превозмогая неожиданную слабость, она чуть ли не шёпотом спросила:

– А зачем, сынок...?

Рауль оторвался от тарелки, медленно положил вилку на стол, вытер руки салфеткой и, зло прищурив голубые глаза, в упор глядя на женщину, внятно произнёс:

– Свою мать искать....

Марии показалось, что небо разверзлось над ней. Неожиданная резь в глазах заставила её сощуриться, дыхание перехватило, будто кто-то сильно ударил в живот. Сердце зашлось болью и – казалось – вовсе остановилось, но лишь для того, чтоб через мгновение оглушающими ударами вновь толкнуть кровь в сдавленные будто тисками виски. Ей хотелось закричать, чтоб проснуться, но сил не было. Она лишь смотрела на сына остекленевшим вдруг взглядом, пребывая в состоянии самого настоящего шока.

Это длилось недолго. Горячие слёзы водопадом брызнули из её глаз, устремились по щекам, упали на сложенные на груди словно для защиты руки. Тихий, но оттого ещё более страшный вой вырвался из дрожащих посиневших губ. И лишь после этого её глаза наполнились нестерпимой болью, и женщина заплакала. Тихо всхлипывая и закрывая лицо руками, содрогаясь всем телом, качаясь из стороны в сторону на стареньком скрипящем стуле....

Роже застыл в изумлении. Его поднятая рука с бокалом домашнего вина замерла на полдороги к открытому рту и мелко подрагивала – то ли от напряжения, то ли от охватившей его сумятицы. Он переводил взгляд то на плачущую жену, то на застывшего в недобром ожидании сына и с трудом осознавал объёмы разыгравшейся трагедии. Всё, что произошло сейчас, казалось ему нереальным, невозможным, нечестным.... Как угодно, но так не должно было быть. Прошло немало времени, прежде чем он пришёл в себя и решил прояснить ситуацию.

Отставив бокал на стол, Роже прикурил сигарету дрожащими руками и лишь после этого тихим голосом поинтересовался, не отрывая взгляда от тлеющего уголька:

– Как ты узнал об этом, Рауль? Кто сказал тебе?

– Никто. Я сам нашёл документы, которые вы так тщательно прятали....

Отец вскинул на сына полный негодования взгляд, но Рауль выдержал его.

– Как ты посмел рыться в вещах матери...? – Роже задал вопрос, и тут же сам осознал его нелепость. Какая уже разница, кто и чего посмел...?

Рауль тоже понял несуразность вопроса и его губы скривились.

– Неважно, как это получилось. Важно другое.... Вы много лет скрывали от меня правду. Хотя я чувствовал, что здесь что-то не так. Что это не моя жизнь.... Я понимал, что я выше всего этого, но не мог объяснить себе, откуда эти ощущения. Пока не нашёл эти бумаги....

После этих слов Мария вновь громко всхлипнула. Она так и сидела, закрыв лицо руками, словно боясь встретиться взглядом с тем, кто много лет называл её матерью. Назовёт-ли теперь? Что теперь будет, как жить дальше с выползшей на свет подобно притаившейся в кустах змее правдой? Ужалит или нет?

– Много лет вы молчали.... Для чего? Чтобы я стал фермером как ты? – он ткнул пальцем в сторону отца, не обращая к нему. – Чтобы всю жизнь провёл в этой деревне, изо дня в день повторяя одно и то же? Завидная судьба, ничего не скажешь....

Правда жалила, и каждое слово доставляло Марии новую боль. Страх ушёл, сменившись опустошением, и она уже знала, чем закончится разговор. Знала.... И молила, чтобы этого не произошло.

Рауль продолжал. Его голос окреп, и он уже не просто высказывал своё мнение, он бросал тяжкие обвинения матери и отцу.

– Я не мог понять, почему мы такие разные. Неужели ребёнок может настолько отличаться от своих родителей? Оказывается, суть в другом! Я чувствую, что должен жить по-другому. Не ковыряться в земле – мне всегда это было противно, не ухаживать за лошадьми – я их ненавижу.... Я вообще всё здесь ненавижу...!

Подростковый максимализм раздвигал призрачные границы ощущений молодого человека, расширяя нечто несущественное до вселенских масштабов. Но ненависть была

самая настоящая. И Мария вдруг почувствовала её в отношении себя. Незримые чёрные волны окатили её и закружили в губительном водовороте, принуждая захлёбываться страхом и чем-то ещё, сродни обиды. Она понимала, что Рауль не справедлив по отношению к ней, но где-то в глубине души считала подобную кару заслуженной. Почему? Она не могла себе объяснить этого. Тем временем Рауль продолжал свою гневную речь:

– А теперь я хочу найти свою настоящую мать. Мне кажется, я из какой-то благородной семьи и мать будет рада меня увидеть. За столько времени она осознала свою ошибку и раскаялась. И я уверен, что она сама ищет меня...!

Роже докурил сигарету и аккуратно потушил окурок ногой. Он поднялся со стула, прошёлся взад-вперёд по небольшой площадке, где стоял обеденный стол и с грустью и болью посмотрел на сына. Перевёл взгляд на застывшую в горестной позе Марию. Он обожал свою супругу и сейчас отчасти чувствовал себя виновником разыгравшейся трагедии. А как иначе, ведь это именно он предложил отчаявшейся женщине усыновить мальчика из приюта?! Он снова перевёл взгляд на Рауля. Тот поднял голубые дерзкие глаза на отца и словно ожидал оправданий.

– Ты не прав, сынок..., – Роже на мгновение замолчал, заметив как скривился тот, кого он назвал сыном. Ощущение потери заполнило любящее сердце мужчины страданием. – Если бы тебя искали, то уже нашли бы. Наш адрес в приюте есть, но за много лет никто не появился....

Каждое слово давалось с трудом, тяжёлый комок в горле заставлял делать долгие паузы, чтобы перевести ставшее вдруг невероятно тяжёлым дыхание. Но Роже хотел донести до сына ту мысль, что волновала его самого.

– Мать не всегда та, которая тебя родила.... Ты понимаешь, о чём я...? Если бы не Мария..., – он замялся, силясь подобрать нужные слова, но не смог. Отбросив тщетные попытки, несчастный отец махнул рукой и стёр слезу, предательски омочившую дрожащие ресницы. Выглядев внешне относительно спокойным, этот сильный мужчина внутри рыдал как ребёнок. От боли, от бессилия что либо изменить, от жалости к Марии....

– Не надо меня отговаривать, – в голосе Рауля прозвучала решительность. – Я всё равно уезжаю в Марсель!!! Причём прямо сейчас.... Слишком долго я ждал этого момента, чтобы откладывать его.

– Но..., – Роже предпринял последнюю попытку. – А как же мы...?

Рауль пожал плечами, не желая даже отвечать на подобные вопросы. Вместо него поднялась заплаканная Мария. Она слегка покачивалась, словно последние силы со слезами покинули её разом обмякшие мышцы. Бесконечно усталым голосом Мария тихо, но так что слышали все, произнесла:

– Не надо, Роже.... Не останавливай его, Рауль сделал свой выбор, – и уже повернувшись к сыну и глядя ему в глаза, так же тихо добавила. – Ты сделал нам с отцом очень больно, сынок. Можешь называть меня как хочешь, но для меня ты навсегда останешься сыном. Я прощаю тебя.... Ступай с Богом, но помни, что всегда можешь вернуться....

Она медленно, по стариковски согнувшись, прошла к дому и с трудом поднялась на крыльцо. Горе в считанные минуты превратило молодую женщину в старуху и обратный отсчёт отведённого ей в этой жизни времени уже начался. Роже, не в силах смотреть на страдания любимой, быстрым шагом вышел на улицу, с силой захлопнув за собой калитку....

Через час Рауль, холодно кивнув бывшим родителям, перекинул через плечо сумку с вещами и захлопнул ту же самую калитку, навсегда покидая оказавшееся временным пристанище. На ступеньках деревянного резного крыльца, тесно прижавшись плечами друг к другу, остались двое людей, в один момент потерявшие смысл своей жизни и собственно саму жизнь....

Глава 13

– ... Вот такая история, Марк, – мелодичный голос Изабель вырвал меня из плена развернувшейся перед глазами трагедии. Мне даже понадобилось какое-то время, чтобы придти в себя и вернуться в реальность, если можно так назвать моё общение с ангелом. Изабель, наблюдавшая за мной, улыбнулась.

– Я смотрю, тебя тронула эта история. Очень хорошо, но не забывай, что собственные эмоции надо отбросить в сторону....

Она замолчала, глядя в моё лицо и, видимо, удовлетворившись результатами своих наблюдений, поинтересовалась:

– Итак, что ты думаешь об этом?

Что я думаю? Бесхитростный на первый взгляд вопрос поверг меня в замешательство. Мы с ангелом сидели посреди огромной площадки в белоснежных креслах, за накрытым молочного цвета скатертью столиком, и всё окружающее нас пространство превратилось в один широкомасштабный экран. Я будто участвовал в действии, проистекавшем перед моими глазами. И более того, я постигал чувства главных героев, ощущал то же, что и они. Я познал ненависть Рауля и боль его родителей, слёзы Марии текли из моих собственных глаз, её страх переполнял меня, кольцами сжимая мои внутренности. Их потеря стала моей потерей и оставила внутри меня самого неизгладимые впечатления, главенствующими факторами которых являлись горечь и внутренняя опустошённость. Я внимал их чувствам и сроднился с этими людьми. Как я могу судить несчастных родителей? Но в то же время я не мог винить Рауля в его естественном желании – найти настоящую мать. Вернее, женщину, которая его родила....

– Марк, тебе необязательно прямо сейчас выносить какой-бы то ни было приговор. Просто скажи – что ты обо всём этом думаешь?

А я продолжал прислушиваться к себе. Изабель предоставила мне величайшую в мире – да что там в мире – во вселенной власть, но облекла её в форму некой игры, пусть и абсолютно приближённой к реальности. Я же до сих пор не мог уловить ту зыбкую грань, что разделяет эту игру и жестокий – по своему замыслу – реализм. Почему жестокий? Да по отношению ко мне – избранному! Человеку, которому предоставлено беспрецедентное право – решать судьбы себе подобных. Даже в мире людей существуют суды присяжных, где люди могут обсудить виновность подсудимого. Мне вообще всегда казалось, что суд присяжных придуман для того, чтоб впоследствии можно было хоть в какой-то степени снять с себя ответственность за вынесенный приговор, то есть заранее разделить возможную ошибку на всех участников. Людям свойственно совершать ошибки, а тем более под воздействием первоначальных эмоций. И люди совершают их.... Но есть ли у меня такое право? Изабель говорила, что моё мнение будет учитываться в первую очередь, то есть будет доминировать при вынесении окончательного приговора. Не слишком ли велика ответственность для простого смертного? Или же....

Моя следующая мысль неприятно потрясла меня самого. А что, если я уже зря причисляю себя к простым смертным? Ведь я даже понятия не имею, что происходит с моей брэнной оболочкой, оставшейся в мире людей? Где она – всё там же, в реанимационной палате, или уже предана земле на окраине старого Марселя? Я почувствовал поднимающуюся изнутри панику и бросил взгляд на застывшую в ожидании ответа Изабель.

– Всё в порядке..., – она коротко рассмеялась, видимо прочитав мои сумбурные мысли относительно собственного тела. Ну да, ей бы мои проблемы....

Я не выдержал.

– Изабель, мне трудно... – я попытался подобрать слова, но на уже всё поняла. Поднявшись с кресла, она подошла вплотную ко мне и протянула руку. Я в ответ сжал её узкую ладошку и встал, оказавшись вплотную к ангелу. Странно, мне показалось, что я почувствовал её дыхание, тепло её близкого в этот момент тела, чуть слышное прикосновение шелковистых золотых прядей, перебираемых лёгким ветерком... Но ведь такое невозможно!!?

Изабель отпустила мою ладонь и коротким жестом предложила следовать за ней. Окружавший нас экран пропал и в тот же момент во все стороны раскинулись заснеженные вершины гор. Мы находились на широком, идеально ровном плато, покрытом толщей многолетнего снега. Блики холодного солнца играли на молочной поверхности, но не в силах растопить бездушный покров, скользили и скатывались с него, теряясь в окруживших плато ущельях. И над всем этим великолепием тяжёлым, непроницаемым шатром нависала тишина.

– Где мы? – не удержался я. Скользившая впереди Изабель обернулась:

– В Гималаях. Нравится?

Я восхищённо огляделся по сторонам. Затянутые облаками вершины казалось протыкали голубой купол низкого неба.

– Никогда не видел ничего подобного....

– Ты не один такой. Многие люди не только не видели, но даже ни разу за всю свою жизнь не думали о том, что такая красота существует. Другие, если и имеют какое-то понятие о горах, то всё равно никогда в жизни не испытывали ни малейшего желания увидеть это воочию. Знаешь почему?

Я повёл плечами.

– Потому что вы замыкаетесь в себе. Для подавляющего большинства людей существует свой собственный мир, в котором они изо дня в день и вращаются. Работа, дом, дети.... Замкнутый цикл со своими проблемами и радостями. Им абсолютно некогда размышлять о возможной красоте каких-то далёких мест, в то время как их одолевают реальные проблемы в ближайшем окружении. И вырваться на свободу, хоть на короткое время оторваться от дел насущных, способны далеко не все....

– А ты...? – не удержался я от вопроса.

– Что я?

– Ты сама при жизни много путешествовала? Или тоже в собственном мире крутилась?

Изабель отвернулась, и мне показалось, что она даже немного обиделась на мои вопросы. Я решил, что ответа не последует, но через какое-то время услышал грустный голос ангела.

– Честно говоря, немного. Но моя жизнь и так была достаточно насыщенной....

– Приключениями? – мне показалось, что появился шанс разговорить мою молчаливую спутницу, и я поспешил им воспользоваться. – И где ты была...?

Изабель не ответила. Очередная попытка обернулась неудачей. Она остановилась на самом краю снежного покрова и вглядывалась куда-то вниз, на крутые уступы отвесных скал....

– Что-то не так? – мне её бледное личико показалось озабоченным. Во всяком случае, я сам ничего, кроме восхищения от окружающей панорамы, не испытывал.

– Пора заняться рутинной. Полетели....

– И куда...? – едва успел произнести я в тот момент, когда ангел взял меня за руку и мои ноги повисли над многокилометровой пропастью. Ощущение – мягко сказать – непривычное. Если до этого я по указке Изабель закрывал глаза и даже не пытался подглядывать до тех пор, пока не чувствовал приземление, то сейчас я просто не успел этого сделать. Смесь страха и неопишуемого восторга переполнили меня изнутри и вызвали нечаянный, полный

изумления крик. Изабель рассмеялась, и её мелодичный перезвон заставил меня смутиться. На какой-то миг я почувствовал, что вот-вот захлебнусь – то ли встречным ветром, то ли пьянящим ощущением свободы... Раньше, порой наблюдая за пронесившимися над головой птицами, я не раз задумывался над тем, какие чувства они испытывают, глядя сверху на распростёртое внизу раздолье. Теперь я познал эти ощущения, и они воистину оказались восхитительны....

– Марк, нам не туда, – услышал я далёкий голос ангела. Увлёкшись собственными переживаниями, я отклонился довольно далеко в сторону и не заметил, как оторвался от Изабель. Ей пришлось остановиться, дожидаясь пока я приближусь. Широко раскинув руки, я спланировал и замер рядом с ангелом высоко над очередным массивом. Изабель улыбалась:

– Понравилось летать? – в её голосе не было ни малейшего намёка на иронию, и я совершенно искренне ответил: – Очень!

– Я тоже вначале была в восторге, а потом привыкла. Но всё равно, до сих пор помню свои первые ощущения. Не в тот момент, когда вышла из тела, а когда осознала сам полёт. Ничего подобного за всю свою жизнь не испытывала....

И вновь тень грусти накрыла светло-голубые глаза ангела. И вновь она моментально справилась с собой.

– Ладно, Марк, не отставай. Нам надо в Болгарию, в один маленький городок на юге. Так что давай поторопимся....

Глава 14

Дальнейший путь прошёл без задержек и вскоре мы опустились на крышу двухэтажного дома на окраине небольшого городка. Светило яркое ласковое солнце, по узеньким улицам то и дело сновали изнывающие от жары прохожие. Жизнь текла своим чередом, и, взирая сверху на простые человеческие заботы, я вдруг ощутил предательски подкравшуюся тоску. Захотелось туда, вниз, к этим не подозревающим что за ними наблюдают людям. Точно так же спешить укрыться от жары в прохладную тень раскидистых деревьев, забежать в кафе, где можно выпить чашечку чего-нибудь прохладительного.... Да хоть просто-напросто так же как они потеть и ругать невыносимую жару, с трудом передвигать ноги по плавящемуся от зноя асфальту и втайне всё же радоваться жаркому солнцу и чистому небу над головой. Когда ещё мне предстоит вернуться...?

– Ну, вот и мой пожаловал, – напев Изабель оторвал меня от созерцания будничной суеты. Она указала на невзрачного полного мужчину, торопливо переходящего улицу по направлению к дому, на крыше которого мы остановились. – Пошли в гости, Марк!

Просочившись сквозь потолочные плиты подобно добрым привидениям из диснеевских мультфильмов, мы оказались на маленькой неухоженной кухоньке, сплошь заставленной старой, выдавшей виды мебелью и грязной посудой. Я едва успел оглядеться, как из прихожей послышался звук отпираемого замка и быстрые шаги по направлению к нам. В очередной раз напрочь позабыв о своей новой ипостаси, я запаниковал. Как мы объясним хозяину своё пребывание в его доме без приглашения?

Изабель бросила на меня быстрый укоризненный взгляд, моментально возвращая к действительности.

В дверном проёме появился тучный мужчина средних лет с неприятным, обзлённым лицом и маленькими бегающими глазками. Его цепкий придирчивый взгляд метнулся по кухне, перемещаясь с гор невымытой посуды на заляпанный жирными руками холодильник, по нашим застывшим фигурам обратно к столу, и вновь на холодильник. Он с трудом протиснулся в узкое для его полной фигуры пространство между плиткой и сервантом, распахнул дверцу холодильника и достал запотевшую бутылку дешёвого пива. Скрутив пробку, вновь огляделся в поисках подобающей случаю посуды и не найдя таковой, прямо из горлышка сделал большой жадный глоток. Оторвавшись от бутылки, удовлетворённо отрыгнул, мясистые губы изобразили подобие улыбки. Я обратил внимание, что его расстегнутая на груди рубашка с короткими рукавами почти полностью была насквозь пропитана потом и порадовался тому, что ангелам и мне не дана возможность пользоваться таким чувством, как обоняние. В общем-то, как и многими другими, но в данный момент эти нюансы меня особо не волновали....

– А что мы здесь делаем? – не удержался я от вопроса. – Неужели этому... угрожает опасность?

Изабель повернулась ко мне и на её милом лице явственно читалась досада. Видимо, мой вопрос не понравился ангелу, но объяснять очевидные – по её мнению – вещи ей тоже не хотелось. Однако любопытство овладевало мной всё больше и больше.

– Изабель, что мы здесь делаем? – уже более настойчиво повторил я, с отвращением наблюдая, как толстяк поглаживает потный волосатый живот, уже слегка наполненный холодным пивом. – Кому он может понадобиться?

– Нам..., смотри!

Мужчина запустил ладонь в задний карман брюк и выудил оттуда слегка помятый лотерейный билет. Пошарив в серванте, извлёк оттуда шариковую ручку и тяжело опустился на разбитый табурет, жалобно заскрипевший под его весом. Склонившись над столом, на мгно-

вение задумался и, тяжело, с присвистом выдохнув, быстро зачеркнул пять цифр из шести возможных. Далее процесс остановился. Его губы зашевелились, было видно, что он пытается определиться с окончательным вариантом. В натужной тишине послышался его неуверенный шёпот: «Семь... Или девять...? Или семь...?» Сомнения одолели его при написании последней цифры и дело застопорилось. Он посидел с минуту, снова протиснулся к холодильнику, достал ещё бутылку пива.

– И таким образом почти каждый день, – неожиданно произнесла Изабель. – Честно говоря, я уже устала наблюдать подобные картины, но что делать? Приходится постоянно быть рядом....

В это мгновение мужчина выудил из кармана монету и, загадав про себя: «Девять – орёл, семь – решка!», подбросил её в воздух. Часто переворачиваясь вокруг своей оси, монета подлетела почти к самому потолку и, зависнув на мгновение, устремилась в обратный путь. Потная пятерня раскинулась, сиюсь поймать брошенный жребий. Всё так же вращаясь, монета приближалась к ловцу, но за мгновение до падения Изабель сделала едва заметное движение, после чего сумбурное вращение резко прекратилось. Последние пару сантиметров жребий падал уже чётко «орлом». Определив результат, толстяк удовлетворённо улыбнулся, глотнул пива, опорожнив за один присест полбутылки, снова громко рыгнул и резким движением зачеркнул девятку. Сложив билет пополам и сунув его в нагрудный карман рубашки, он тяжело поднялся и через минуту вывалился из квартиры, напоследок громко хлопнув дверью.

– Теперь можно жить спокойно, – судя по голосу, у Изабель гора с плеч свалилась. – Пойдём дальше, Марк.

Глава 15

Мы перенеслись на крышу, и некоторое время наблюдали, как ведомый переходит улицу, бросает заполненный билет в специальный яркий ящик, висящий на стене соседнего дома, и рысцей устремляется во дворы.

– Ты сделала человека счастливым..., – не преминул я выразить свою точку зрения на произошедшее. Честно говоря, сам я ни за что бы не помог толстяку выиграть, настолько он мне показался неприятным. Ну да, ангелу виднее!

– Не совсем..., – неожиданно произнесла в ответ Изабель. – Ты зря так думаешь, Марк.

– Почему зря? – я даже опешил. – Ведь ты дала ему возможность выиграть, получить деньги, которых он так хочет.... Разве это не счастье, во всяком случае – для него? Ведь благодаря твоим стараниям сбылась его мечта...!

Изабель грустно улыбнулась.

– Вот как раз благодаря моим стараниям его мечта и не сбылась. Я наоборот не позволила ему выиграть в лотерею!

Такого я и вовсе не ожидал. У человека может единственный раз в жизни появилась возможность разбогатеть, то есть добиться того, что он больше всего желает, а ему не дали этого сделать. И – главное – кто? Сам ангел-хранитель!!! Если бы я не видел это всё собственными глазами, ни за что бы не поверил что такое вообще возможно.

– Но, Изабель..., – моё любопытство требовало удовлетворения. – Почему...?

Изабель переместилась на самый край крыши и, присев на карниз, свесила ноги на улицу. Я примостился рядом и бросил взгляд вниз. Узкая улочка жила своей обычной жизнью – спешили утомлённые жарким солнцем прохожие, изредка проезжали автомобили с раскрытыми настежь окнами, вездесущие голуби топтались по асфальту в поисках пищи. Никто не обращал внимания на нас, сидящих на самом краю крыши старого двухэтажного дома....

– Скажи мне, Марк, какое впечатление произвёл на тебя этот человек?

Я сразу догадался, что она имеет в виду толстяка, и ответил не раздумывая:

– Честно говоря – самое негативное. Неприятный во всех отношениях... субъект, – я не смог подобрать другого слова. – Алчный, злобный и – как мне показалось – способный на самые грязные деяния, такие как подлость, предательство.... В-общем, ничего хорошего я в нём не могу найти. А что?

По лицу ангела я понял, что своими выводами попал в самую точку. Изабель улыбнулась:

– А представь, что он выиграл в лотерею немалую сумму? Как, по-твоему, распорядиться богатством этот – как ты его назвал – субъект...?

Я задумался. Всё хорошее, что можно сделать, обладая определённым капиталом – такие вещи как благотворительность, меценатство и тому подобное – я отмёл сразу. Вообразить толстяка, выписывающего чек на пожертвования больным детям или голодным семьям в какой-нибудь африканской стране, было решительно невозможно. Он представал перед глазами лишь в образе недалёкого умом, но наделённого неожиданно свалившимся богатством и вместе с ним обусловленной властью толстосума, желающего приумножить собственный капитал любым, даже откровенно грязным путём. Этаким нувориш, пожинаящий плоды собственной низости.

– И ты опять прав, Марк..., – прочитала мои мысли Изабель. – если этот человек вдруг станет богат, ничего хорошего никому это не принесёт. В том числе и ему самому. Здраво распорядиться неожиданным благословением небес он не сможет в силу собственной глупости и жадности, а вот удариться во все тяжкие.... Вполне может, и более того – ему в этом

помогут. Не кто иной, как наш старый приятель Мэрдок и ему подобные. Представляешь, чем это может закончиться?

Я кивнул. Конечно, представляю, тем более что с Мэрдоком я уже знаком не понаслышке. Всё встало на свои места и поступок ангела стал для меня вполне объясним. Но всё же один-единственный вопрос, возникший после упоминания о Мэрдоке, остался нерешённым. Я не преминул его озвучить:

– А почему же Мэрдок сам не может наделить подобного человека богатством? Ведь потом много проще обратиться к нему в свою сторону?

– Проще, конечно... Но благодетель в любом её проявлении ни коим образом не присуща таким как Мэрдок. Пожинать плоды чужих творений и обращать их в свою пользу – пожалуйста. А вот сделать что-либо мало-мальски хорошее – ни в коем случае....

Неожиданно Изабель помахала рукой и улыбнулась, глядя на окна дома напротив. Я проследил за её разом потеплевшим взглядом и опешил. Напротив нас располагалось открытое настежь окно, и горячий ветер, проникая в распахнутые створки, играл с белоснежными занавесками, то поднимая их чуть-ли не к самому потолку, то возвращая на место. На полу рядом с подоконником, прямо посреди оконного проёма стоял маленький светловолосый мальчик лет трёх-четырёх и широко улыбаясь, махал нам пухленькой ручкой. Неужели он видит нас? Но этого не может быть, если только он сам не ангел...! Присмотревшись, я понял, что это самый настоящий маленький человечек. В этот момент наши взгляды встретились, и карапуз ещё веселее замахал ладошкой. Последние сомнения оставили меня – ребёнок действительно заметил нас с Изабель и обрадовался этому. Мне не оставалось ничего другого, как ответить ему приветствием. Мальчик засмеялся и, развернувшись, пропал в глубине комнаты.

– Удивлён? – раздался нежный голос ангела.

Я кивнул. А разве здесь нечему удивляться?

– Дети могут видеть нас. Ты не обращал внимания, что очень часто младенцы чему-то улыбаются, с кем-то разговаривают, хотя находятся в комнате совершенно одни?

Я пожал плечами. Наблюдать за младенцами мне ещё не доводилось. Да и доведётся ли когда-нибудь...? Мои мысли вызвали у ангела улыбку.

– Всему своё время, Марк. Не буду тебе рассказывать твоё будущее, тем более что многое в нём зависит от тебя самого. Так вот, о чём это я...? Да, я говорила, что дети нас видят и даже играют с нами, разговаривают. Довольно тесное и постоянное общение происходит до тех пор, пока у ребёнка не появляется право выбора. То есть когда он, так же как и взрослые, может разумно выбирать свой путь. Это, конечно, не так значимо как у взрослого человека, но всё же – по сути – то же самое. И вот тогда он перестаёт нас видеть. Спросишь, почему? Да потому что в тот момент, когда он делает свой первый выбор, он становится личностью. Он сам, с помощью окружающих его людей – в первую очередь, конечно, родителей – формирует свой характер, своё мировоззрение. Мы не можем помочь ему в этом становлении, оно сугубо индивидуально. Можем лишь ограждать от потенциальных врагов, склоняющих пока податливую для восприятия натуру к чему-либо скверному.

– То есть от Мэрдока и таких же... как он? – блеснул я пронизательностью. Изабель с улыбкой кивнула.

– Да Марк, именно от таких. Они – демоны, и их сущность в том, чтобы обнажать человеческие пороки и формировать их. Ведь – допустим – сама по себе жадность как черта характера не самый тяжкий грех, но доведенная до состояния алчности она переворачивает внутренний мир человека. И влечёт за собой уже совершенно другие последствия. Именно этого добиваются такие как Мэрдок.... Ладно, что-то мы слишком часто его вспоминаем. Не к добру это....

Изабель нахмурилась и перевела взгляд на небо. Мне показалось, что она прислушивается к чему-то, доступному лишь ей одной. Я же вновь воззрился на дом напротив. В том окне, где чуть раньше милый карапуз, улыбаясь, махал нам ручкой, появилась молодая красивая женщина. Выглянув на улицу и огорчённо покачав головой, она с сожалением закрыла створки, желая прекратить разыгравшийся в квартире сквозняк. Белоснежные занавески тут же заняли привычное положение, закрывая от моего взгляда разом потемневшее нутро комнаты.

А я всё смотрел на два белых полотнища в ровном проёме закрытого окна и вспоминал беззаботного малыша. Его счастливую улыбку, аккуратные ямочки на полных щёчках, пухленькую пятерню, покачивающуюся из стороны в сторону.... Неожиданно на его месте появился другой ребёнок. Такой же светловолосый, такой же беззаботный, такой же счастливый. Это был Рауль. Тот самый Рауль, чью историю мы увидели не так давно на вершине заснеженного плато. Воображение услужливо подкидывало на рассмотрение цветные картинки его беспечного детства в окружении любящих родителей. Неизменная и абсолютно искренняя забота, изливающаяся на сорванца, наигранная строгость, за которой скрывается всё та же бескрайняя материнская любовь и отцовская мужская нежность.... То есть всё, что нужно детям в период взросления, было в избытке преподнесено Раулю. Как говорится – лишь руку протяни и пользуйся на здоровье. И как следствие – неожиданное, даже шокирующее своей неправдоподобностью и в большой степени невозможностью – предательство приёмного сына?!! Безусловно, Рауль виновен. Он нарушил одну из главных заповедей – почитай своих родителей. И нарушил её с немалой долей жестокости по отношению к людям, всем сердцем полюбившим чужого для них ребёнка. Я попытался найти хоть какое-то оправдание поступку Рауля, но все мои доводы о переходном возрасте и подростковом максимализме разбивались о стену жестокосердного предательства....

– Изабель..., – мой голос неожиданно показался мне чужим. – Я считаю, что Рауль заслуживает наказания. Не знаю, в какой мере, но заслуживает....

– А Мария с Роже? Ведь они обманывали ребёнка? – голос ангела не выдавал абсолютно никаких эмоций.

– Нет..., – протянул я, но через мгновение уже твёрже повторил: – Нет! Ни в коем случае! Даже если их молчание с большой натяжкой и можно вписать им в вину, то последующее страдание этих милых людей.... Ты ведь сама говорила – страдание ведёт к искуплению?!!

– Молодец, Марк. Ты переосмыслил ситуацию беспристрастно, то есть так, как и требовали от тебя правила, – я расслышал в мелодичном напеве Изабель едва уловимую тень грусти. – И ты, несомненно, вынес правильный вердикт, я всецело поддерживаю тебя....

Странно, может мне и показалось, но возникло ощущение, что ангел отводит взгляд. Изабель что-то не договаривает, но почему? Надо постараться узнать, при первой возможности вывести разговор на нужную тему. Или, может, спросить не откладывая, прямо сейчас? Я уже открыл было рот, но в этот самый момент Изабель поднялась и выжидающе посмотрела в мою сторону....

– Мы куда-то спешим? – не удержался я от каверзного вопроса. Честно признаться, мне стало даже несколько обидно оттого, что ангел уже в который раз избегает откровенного разговора. Я подсознательно чувствовал, что за этим вынужденным молчанием скрывается нечто большее, нежели просто нежелание обсуждать собственную жизнь, и Изабель утаивает что-то, как мне казалось, важное для меня самого.... Она и в этот раз ничего не ответила.

Как бы то ни было, мои догадки вновь остались лишь догадками, и мне вновь пришлось подчиниться. Всё же не стоило забывать, кто из нас ведущий, а кто ведомый....

Поднявшись над крышами маленького болгарского городка, мы пустились в обратный путь и довольно скоро достигли того же заснеженного плато, затерявшегося меж острыми вершинами гор.

– Ты же не будешь против посмотреть вторую историю, Марк? У нас появилось немного свободного времени и кто знает, как долго оно продлится.... – взгляд ангела был настолько категоричен, что вопрос о моём желании явился лишь простой формальностью. На самом деле отказ как ответ даже не предполагался. Мне ничего не оставалось кроме как безропотно пожать плечами и поудобнее расположиться в кресле. Действие началось сразу же, словно невидимый оператор только и ждал момента, когда я буду готов к просмотру....

Глава 16

История вторая

... – Себастьян, ты не представляешь, как мне не хочется возвращаться домой, – красивая стройная девушка лет двадцати пяти изо всех сил прижалась к молодому человеку, обхватив его руками и сцепив их у него за спиной в замок. Лёгкая улыбка скользнула по ярко-алым от поцелуев губам юноши и тут же пропала:

– Что делать, милая? Я тоже не хочу расставаться с тобой, но.... Ты ведь сама прекрасно понимаешь, что иначе нельзя....

– Да, ты прав. Как ни грустно признавать это, но всё же ты прав. И всё из-за того, что я не принадлежу сама себе. Если бы я знала три года назад, что мой брак с этим ужасным человеком будет похож на ад...? Если бы я только могла предположить, что он будет обращаться со мной, как с какой-то вещью...? Ни за что бы не поддавалась на уговоры матери...!

При воспоминании о муже девушка заметно погрузнела. Она ещё сильнее, словно в поисках защиты, прижалась к молодому человеку. Себастьян рассеянно провёл рукой по вьющимся светло-русый локонам и ткнулся губами в макушку. Его рука с длинными тонкими пальцами пощекотала тонкую шею несчастной. Красавица заурчала, будто кошка и, откинув голову назад, впиалась жадным поцелуем в его рот....

Подобный разговор прозвучал далеко не в первый раз и за то время, что Себастьян встречался с Мишель – а прошло уже более чем полгода – никаких изменений в жизни ни у одной, ни у другого, не произошло. Собственно, они – эти изменения – даже не предвиделись. Ни к чему не обязывающие по сути отношения устраивали обоим, каждый получал то, что желал и переходить незримые, но вполне осязаемые впоследствии границы никому не хотелось. Порой, когда Мишель овладевал очередной приступ откровенности, она взахлёб начинала жаловаться своему любовнику на мужа-деспота, на богатую жизнь в золотой клетке, на своих родителей, толкнувших её на этот брак. Заканчивалось всё одним и тем же – продолжительными объятиями обнажённых тел на старенькой кровати в убого обставленной комнате Себастьяна. Точно так же произошло и в этот – Бог знает, какой по счёту раз. Те же самые слова, те же самые слёзы, те же самые жесты... Один и тот же сценарий, написанный неизвестным драматургом для неисчислимых постановок на самых разнообразных подмостках....

Позже, положив голову на плечо уставшему от соития мужчине и перебирая кроваво-красными ноготками курчавые завитки на его груди, Мишель хрипловатым голосом будто невзначай проронила:

– Знаешь, милый, я решила снять нам квартиру в другом районе. Ни к чему возбуждать подозрение соседей, не дай Бог, ещё какие слухи поползут.... А там нас никто не знает, вот и будем встречаться в своё удовольствие. Ты ведь не против?

Рука Себастьяна, поглаживавшая точёное плечико, замерла. Он высвободился из объятий Мишель и, встав с кровати, завернулся в упавшую на пол простыню. Босыми ногами прошлёпав по полу, сел за стол, потянулся за сигаретами. Девушка не сводила с него взгляда больших, цвета морской волны, чуть раскосых глаз. Прикурив недорогую сигарету, Себастьян посмотрел в окно. Тяжёлые мрачные тучи степенно заполняли голубой небосвод.

– Чем тебе не нравится моя комната? Соседи целыми днями на работе, нас никто не видит. Да и раньше тебя это совершенно не волновало, Мишель?

По его интонациям нетрудно было догадаться, что идея с квартирой молодому человеку не пришлась по вкусу. Мишель, заметив столь резкую перемену настроения, прибегнула к хитрости. Потянувшись всем телом и закинув руки за голову, девушка выставила на обозрение свои прелести и преисполненным желанием шёпотом проворковала:

– Глупенький, я лишь хочу, чтоб нам было хорошо. Чтобы ничего не отвлекало нас друг от друга, ведь у нас и так очень мало времени для того, чтобы быть вместе. Неужели ты не понял этого, Себастьян?

Взгляд молодого человека смягчился. Он докурил сигарету и затушил её в фарфоровой пепельнице, непрестанно разглядывая манящее тело любовницы. Изабель знала что делала – ему вновь захотелось обладать податливыми прелестями красоты. Отбросив ставшую излишней простыню, Себастьян в мгновение ока оказался в сладостных объятиях....

Много позже, когда Мишель уже покинула квартиру, оставив после себя повисшие в воздухе запахи – сладкий – духов, и терпкий – свершённого греха, – Себастьян, прикурив очередную сигарету, подошёл к окну. Облокотившись на заляпанный подоконник, пустил колечко сизого дыма в грязное стекло. Ударившись о преграду, зыбкий кружок резко расплылся в разные стороны и потерял форму. Юноша задумался....

Год назад, глядя вот в это серое от пыли оконное стекло, он впервые увидел Мишель. Хотя тогда ещё, он, конечно, не знал, что её зовут Мишель. Девушка в облегающем серебристом платье вышла из припаркованного у казино напротив автомобиля и, остановившись в ожидании спутника, подняла взгляд в небо. Себастьяну, наблюдавшему сверху за вечерней суетой, царящей на одной из центральных улиц города, показалось, что она смотрит прямо на его окно. Красавица – а близкие к совершенству черты её прекрасного лица молодому человеку удалось разглядеть даже с высоты третьего этажа – улыбнулась чему-то и провела рукой по светло-русые локонам длинных волос. Жест показался Себастьяну настолько изящным, что он поневоле постарался запомнить случайное движение незнакомки. В этот момент из другой дверцы вышел, а точнее будет сказать – вывалился, тучный, непонятно как втиснутый в строгий костюм толстяк, и что-то прокричал замершему на тротуаре швейцару казино. Старичок в красной ливрее поспешил на помощь, быстро семеня ногами по асфальту и вытянув вперёд руки в белых перчатках. И столько в его движении было подобострастия, столько фальшивой радости, что Себастьяну стало не по себе. Он вдруг почувствовал себя униженным, словно не старик, а он сам спешил навстречу препротивному толстяку в чёрном костюме. Молодой человек брезгливо сморщился, и, зло сплюнув на пол, отошел от окна. Ненависть к богатею смешалась с горькой завистью, два чувства переплелись воедино, во много раз преувеличивая друг друга. Себастьян тихо, сквозь зубы, выругался и ударил кулаком по столу....

Стук в дверь нарушил мерный ход воспоминаний. Себастьян нарочито громко стуча каблуками прошёл в закуток, огороженный шкафом и обозначавший прихожую. Отодвинув засов, с улыбкой на губах впустил Луи – пьяницу, проживающего этажом ниже.

Замерев на пороге, Луи заводил длинным носом, будто к чему-то принюхиваясь.

– Что, опять твоя краля приходила? Чую запах её духов, дорогущие, наверное? Ну и как сегодня, отомстил буржуазии за униженных и оскорблённых? – ехидный смешок сорвался с обветренных губ пьянчужки.

Себастьян кивнул. Жестом предлагая пройти, закрыл на засов дверь и первым сел за накрытый несвежей скатертью стол. Луи, подобно фокуснику из какого-нибудь захудалого цирка, проделал несколько немислимых по своему идиотизму пассов руками и извлёк из-за пазухи початую бутылку дешёвого вина.

– Давай, мой юный друг, отметим ещё один укол в толстое брюхо богатеев! Где стаканы?

Сосед был старше Себастьяна всего на пару лет, но постоянное употребление спиртного сделало своё дело, и на вид Луи можно было дать лет сорок. Сизый нос картошкой удачно гармонировал с вечными синяками, оттенявшими выцветшие глаза. Вечно небритый, с засаленными длинными волосами, он походил на некое подобие хиппи в самый расцвет их движения. Причём подобие, вобравшее в себя исключительно худшие черты неформального

движения тех далёких лет. Но вместе с тем это был добродушный, жизнерадостный человек, редко, да и совсем ненадолго, впадавший в уныние. Вот и сейчас на поросшем щетиной опухшем лице светилась лучезарная беззубая улыбка....

– Предлагаю тост! – провозгласил он, едва стаканы наполнились. – Давай выпьем с тобой, Себастьян, за то, что остались ещё в народе люди, способные утереть нос всяким толстобрюхим негодьям! За тебя, мой мальчик!

Со стороны могло показаться, что взрослые люди говорят полную ерунду. Но лишь зная подоплёку этого разговора, можно было догадаться, о чём идёт речь....

Глава 17

Всё началось с того самого момента, когда Себастьяну удалось лицезреть на улице девушку в серебристом платье. Пленительный образ улыбающейся красавицы врезался в память молодому человеку и с тех пор ассоциировался в его сознании с той стороной жизни, куда ему не было доступа. Девушка принадлежала миру, жизнь в котором отождествляют даже не сами деньги, а их количество. Причём вход в этот мир открывался лишь при наличии суммы со многими нулями....

Их вторая встреча произошла совершенно случайно на выставке одного не очень известного художника. В последний день показа Себастьян от нечего делать забрёл в приветливо запахнутые двери салона, пожелавшего удовлетворить потребность всех желающих насладиться высоким искусством. Молодой человек одиноко бродил по просторным залам, переходя от одного полотна к другому и не понимая ни смысла изображённого на огромных холстах, ни зачем он вообще сюда пришёл, когда в дальнем углу заметил застывшую словно изваяние девушку. Её профиль показался знакомым, но кто она и где они могли раньше встречаться, вспомнить не удавалось. Но не удалось сразу, попробуем постепенно, и он смело шагнул к незнакомке, желая завязать разговор. На картине, приковавшей внимание девушки, были изображены предметы женского туалета, а точнее – нижнее бельё, которое какой-то маньяк искромсал ножницами на узкие полоски. Чуть ниже висела деревянная табличка со словами: «Путь к истине». Себастьян даже не понял – относится она к данному произведению или же забыта с прошлого показа нерадивыми служащими галереи?

– Вы не находите, что это слишком вульгарно? – негромко поинтересовался молодой человек, вплотную приблизившись к девушке и остановившись у неё за спиной. Лёгкий брючный костюм небесно-голубого цвета облегал точёную фигурку, и в то же время оставлял прекрасную возможность для полёта фантазии.

– Ну, почему же? – не оборачиваясь, возразила девушка и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, тут же выложила собственное мнение: – По-моему, всё очень даже верно.

Себастьян опешил. Как можно было что-то усмотреть в подобной мазне, уловить смысл, который, по его мнению, сам художник либо не знал, либо тщательно пытался скрыть от окружающих, да вдобавок ко всему ещё и согласиться с этим смыслом?

– То есть..., вы считаете..., – он силился подобрать подходящие слова, мучительно напрягая пожелавшую отдохнуть именно сейчас память, но шансов не было. Слава Богу, что девушке не нужна была чёткая формулировка вопроса.

– Да. Я считаю верным то, что какой бы ни была облатка, истинно желаемым является то, что она скрывает. А жажда обладания потаённым должна удовлетворяться любыми путями. Во всяком случае, это моё мнение....

Произнося последние слова, она повернулась к собеседнику, и Себастьян тотчас узнал в ней прекрасную незнакомку в серебряном платье. Девушка, которую он видел лишь раз в жизни из грязного окна своей мансарды, вблизи оказалась ещё прекрасней. Если бы кто-нибудь попросил его описать красавицу, то молодой человек вряд ли смог подобрать подходящие слова. Зелёные омуты чуть раскосых глаз, казалось, поглотили его разум, чувственный бутон припухлых губ подрагивал в едва заметной улыбке, приподнятый вверх кончик носа придавал милому лицу девушки шаловливое выражение....

Оглядев его с ног до головы, красавица протянула хрупкую ладошку с длинными, увенчанными кроваво-красными ноготками пальчиками, и непринуждённо представилась:

– Мишель....

– Очень приятно..., – молодой человек неловко сжал в ладони прохладные пальчики. – Себастьян.

– Любите искусство? – девушка высвободила ладошку и широким жестом обвела галерею. Озорной взгляд неотрывно исследовал лицо нового знакомого, чем привёл его в смущение.

– Честно говоря, зашёл от нечего делать, – искренне признался молодой человек, прекрасно понимая, что в случае, если он солжёт, любой вопрос по теме выявит его абсолютную некомпетентность. – Проходил мимо, смотрю – открыто.... А вы?

Мишель улыбнулась.

– Признаюсь, я тоже от нечего делать забрела. Иногда хочется прикоснуться к великому, хотя бы для того, чтоб лишний раз убедиться в собственной никчемности, – заметив как вытянулось от удивления лицо собеседника, тут же поспешила успокоить его. – Шучу, конечно. Не обращайтесь внимания, я иногда заявляю такие вещи, которые могут поставить в тупик кого угодно. Друзья привыкли и уже не обращают внимания....

Она отвела взгляд от Себастьяна и привычным жестом провела рукой по волосам. У молодого человека заняло в груди, настолько пленительным показалось ему естественное движение красавицы....

– Молодые люди, поторопитесь, пожалуйста, мы закрываемся, – на ходу произнёс одетый в чёрный костюм служащий, возникая в проёме, ведущем в другой зал. Не останавливаясь, он профессионально бесшумно прошествовал дальше.

Мишель бросила взгляд на часы.

– Как жаль. Я ещё не всё успела посмотреть, да и домой не хочется....

Себастьяну показалось, что в последних словах красавицы прозвучал намёк и, не мудрствуя лукаво, он тут же выпалил:

– Не согласитесь выпить со мной по чашечке кофе? – сконфуженная улыбка напрочь опровергала возможный подтекст довольно таки избитого, если не сказать даже пошлого, предложения. Волна удивления и даже возмущения – Себастьяну эти первые эмоции почему-то показались фальшивыми – пробежала по лицу девушки, но тут же исчезла. Мишель на мгновение задумалась, а затем неопределённо передёрнула плечиками. Негодование уступило место любопытству. Молодой человек ей понравился – и внешне он довольно симпатичен, да и смущение, пару раз покрывавшее румянцем его открытое лицо, пришлось ей по вкусу. Кто знает, может судьба, наконец, смилостивилась и послала ей то, о чём она втайне так долго мечтала...?

Надо сказать, что с раннего детства и вплоть до замужества девушка росла в семье военного и учительницы, которые придерживались довольно таки пуританских взглядов на воспитание своих детей. Отрицание любого проявления собственной свободы являлось основой мировоззрения для подрастающего поколения. Единственным и безоговорочным стимулом к любому мало-мальски значимому действию служило волеизъявление родителей. Надо ли говорить, что и замужество Мишель не было образчиком счастья? Просто в какой-то момент финансовое положение семьи пришло в упадок и требовало определённых вложений, а старшей дочери как раз исполнился двадцать один год. Почему же не воспользоваться прекрасной возможностью, тем более что и партия в лице богатого и влиятельного управляющего банком, живущего по соседству, уже есть? Ведь не зря он пару раз навещался к соседям, якобы поболтать о том, о сём, а сам слюни пускал, глядя на старшую дочь хозяев...? Тем всё и закончилось. Баснословно дорогое белое платье, шикарные лимузины, важные лицемерные гости и фальшивая радость на лице родителей. А после – тяжёлое дыхание в крошечной тьме, огромное, омерзительное тело сверху и горькие слёзы, сопровождающие беззвучные рыдания новоявленной жены. Банкир за неделю вдоволь наигрался с податливым телом согласной на всё молодой супруги и вновь переключился на работу, оставив Мишель наедине со своими грезами. С утра до вечера пропадая в офисе, он не забывал каждый час звонить девушке и осведомляться о её местонахождении. Довольно стран-

ное сочетание безразличия и патологической ревности постоянно приводило к семейным сценам, если можно так назвать унижение, которому подвергалась молодая женщина. Впоследствии она осознала, что ревности как таковой не было, как не было и любви. Банкир, пожелавший обладать понравившейся ему игрушкой, был на самом деле не более чем собственник, в то время как Мишель отныне являлась его вещью....

Мишель тяжело вздохнула – неприятные воспоминания навеяли грусть. Себастьян, заметивший перемену, застыл в ожидании неминуемого – казалось – отказа, когда девушка справилась с собой и, вернув на лицо улыбку, негромко произнесла:

– Я знаю одно уютное кафе недалеко отсюда. Вы ещё не передумали?

Она двинулась к выходу неторопливой, полной грации походкой, предоставив молодому человеку прекрасную возможность любоваться волнующими изгибами, скрытыми лёгкой тканью костюма. Себастьян поспешил следом.

...После того, как Мишель оказалась предоставлена самой себе в огромном доме, ей ничего другого не оставалось, кроме как создавать собственный мир, в котором она могла бы быть такой, какой ей хотелось себя видеть. Мир выдуманных чувств и потаённых страстей, мир волшебных иллюзий и жестокого самообмана.... Вырвавшись из под родительской опеки и почувствовав пусть незначительную, но всё же свободу, девушка открывала в себе всё новые и новые потаённые доселе желания и потребности. Её манило всё то, что ранее было скрыто непоколебимой завесой порядком изношенной морали. Основой самопознания стали физиологические потребности молодого организма. Мишель, не испытывая ничего, кроме боли и унижения от своего мужа, но слышавшая от одноклассниц о греховном наслаждении, мечтала хоть как-нибудь испытать нечто подобное. Благодаря воспитанию и навязанным ей родителями понятиям о супружеской верности и уважении, она ни на секунду не позволяла себе представить какие-либо отношения, пусть даже просто флирт, с другим мужчиной. Но по иронии судьбы, её благоверный не мог, да и не желал дать девушке то, что ей требовалось. И Мишель решила сама идти к цели. Так как единственным объектом возможного удовольствия являлся супруг, Мишель, перечитавшая уйму книг и пересмотревшая массу запрещённых в её семье кинофильмов, взяла дело в свои руки. Как-то вечером она довольно долго, лёжа на супружеском ложе, пыталась расшевелить засыпающего банкира и привести его в пригодность. Тот ворчал, отнекивался, но, в конце концов, организм потребовал свое, и Мишель получила желаемое. И пусть оргазма она так и не достигла, тем более что мужчина даже не попытался удовлетворить её потребности, полностью сосредоточившись на своих всё то короткое время, которое продолжалось сие смехотворное действие, но осознание того, что она может стать желанной даже для этого пресытившегося ленивого борава, принесло ей огромную радость. Это было конечно не тем, к чему она так стремилась, но хоть что-то.... Мишель стала чаще практиковать подобные вечера, чтобы хоть в чём-то чувствовать себя настоящей женщиной.

Последствия её притязаний оказались самыми неожиданными. В один прекрасный день толстяк вдруг возомнил, что Мишель без ума от его тела и от него самого, и в результате этой непростительной для себя слабости отныне целиком – и душой, и телом – пребывает в его власти. Кончилось всё печально. Как-то раз Мишель, уже порядком уставшая от безнадежных попыток получить хоть малую толику желаемого наслаждения, отказалась исполнить одно из самых непристойных желаний банкира, за что и была жестоко избита прямо в спальне. Пачкая лившейся из носа кровью белоснежные шёлковые простыни, девушка вдруг осознала всю свою ненависть к человеку, который зовётся её мужем. И единственное, о чём она мечтала в тот момент, так это просто поменяться с ним местами. При мысли о возможном унижении, которому она подвергла бы толстяка, Мишель неожиданно для себя испытала нечто сродни долгожданному наслаждению. И в этот самый момент она чётко осознала, что ей нужно от мужчины....

– Мишель, вам грустно? – робкий голос Себастьяна вырвал её из раздумий. Девушка встряхнула головой, отгоняя тяжёлые мысли, и, нарочито широко улыбаясь, протянула молодому человеку узкую ладошку.

– Пойдём быстрее, не хватало, чтоб ещё и кафе закрылось....

Через час, выпив по паре чашек кофе и выкурив несколько сигарет, молодые люди перешли на «ты». Мишель заметно нервничала и украдкой поглядывала на часы, что не укрылось от пристального внимания Себастьяна.

– Ты торопишься? – участливо поинтересовался молодой человек. Ему не хотелось расставаться с новой знакомой.

– Да, Себастьян, мне уже пора. Не хотела тебя огорчать, но признаюсь, я замужем....

Себастьян мгновенно вспомнил дорогой лимузин, девушку в серебряном платье, толстяка, и угодливого до отвращения швейцара казино.... Как он мог забыть об этом?

– Мне надо идти домой. Боюсь, что мой благоверный начнёт меня разыскивать....

Себастьян пожал плечами. Сказка оборвалась, в одну секунду обращая его к реальности.

– Мы больше не увидимся? – он постарался, чтоб вопрос прозвучал как можно более безразлично. Мишель долгим взглядом посмотрела на молодого человека и, поднявшись из-за стола, тихо произнесла. – Завтра в семь, в этом кафе.

Юноша улыбнулся. Он рывком поднялся и сунул руку в карман, чтобы вытащить оттуда деньги, когда предупредительный жест девушки заставил его замереть.

– Не волнуйся насчёт этого, – она взглядом указала на его, застывшую на полпути к карману, руку. – За себя и за своих мужчин я всегда плачу сама....

Бросив на стол довольно крупную купюру, Мишель быстрым шагом покинула кафе. Себастьян, глядя на деньги и слыша в голове отголоски последней фразы красавицы, вдруг почувствовал себя оскорблённым.

Глава 18

Возвращаясь домой по вечерним улицам, молодой человек не раз ловил своё отражение в витринах дорогих магазинов и, останавливаясь, подолгу рассматривал давно знакомый образ. Да, он довольно симпатичен, его ладно скроенная фигура вызывает зависть даже у ровесников; да, он не глуп, и приобретённые знания позволяют ему не теряться в компаниях; у него неплохой характер, разве что излишняя вспыльчивость и ранимость портят относительно приличную картинку.... Всё в полном порядке, кроме....

Кроме того, что он стоит по эту сторону витрины. И нет никаких шансов оказаться внутри подобного магазина в качестве стабильного, уважаемого угодливым персоналом клиента. Он, конечно, может даже сейчас войти в эти двери, побродить, лениво шаркая ногами по тщательно убранному многокрасочному кафелю, разглядывая полупустые витрины с раритетными вещами.... И вполне возможно, его даже не выгонят, позволят окунуться в мир роскоши, но он затылком ощутит толерантно-пренебрежительные взгляды продавцов, услышит их насмешливый язвительный шёпот. И что самое любопытное, те же самые продавцы – чаще всего сами люди далеко не богатые, вынужденные перебиваться от зарплаты до зарплаты, – будут осыпать его насмешками лишь потому, что им позволили какое-то время пребывать в этом мире роскошных дорогих вещей. И эта непродолжительная псевдопринадлежность к чужому, в общем-то, богатству неизменно возвышает их в собственных глазах, но только лишь на то время, пока они находятся за прилавками. Выйди они на улицу и забеги в подобный магазин, расположенный по соседству, точно такая же порция жестокого сарказма будет обращена уже в их адрес....

Но Себастьян сейчас было не до размышлений о двоякости человеческой природы. Пожалуй, впервые в жизни он чувствовал себя если не униженным, то уж точно – глубоко оскорблённым. Он физически ощущал поднимавшееся глубоко изнутри отвращение к самому себе, и, пытаясь подавить омерзительное чувство, искал всевозможные оправдания выказанной в кафе слабости. Искал – и не находил. В глазах попадающихся навстречу прохожих он читал осуждение, их приветливые улыбки воспринимались не иначе как полные пренебрежения ухмылки знающих о его падении людей. Даже собственная тень, отбрасываемая благодаря заходящему за спиной солнцу, была не чем иным, кроме как тщедушным, сгорбленным от непосильной ноши продолжением самого Себастьяна....

Добравшись до дома, молодой человек не раздеваясь упал на старенький диван и уткнулся лицом в подушку. Его буквально трясло от злости как по отношению к новой знакомой, так и к себе самому. Перед глазами стояло надменное лицо красавицы, её прощальные слова на разные мотивы непрерывно звучали в голове. Себастьян вскочил на колени и принялся молотить кулаками подушку. Глухие удары и исторгаемые сквозь крепко сжатые губы ругательства наполнили комнату.

Приступ ярости иссяк так же внезапно, как и начался – выплеснув бурлившие через край эмоции, он устало опрокинулся навзничь и закрыл покрасневшее от возбуждения лицо ладонями. Мелкая дрожь билась натянутое струной тело, но тяжёлое прерывистое дыхание постепенно перешло в более спокойное, и через некоторое время стороннему наблюдателю могло показаться, что Себастьян уснул. На самом деле он просто полностью погрузился в хаотический поток противоречивых по своей сути мыслей. Не было никакого смысла оспаривать тот факт, что Мишель понравилась ему с первого взгляда и, на время забыв о её принадлежности миру богатства и роскоши, Себастьян не на шутку увлёкся девушкой. И чем больше симпатии к ней заполняли свободное от любви сердце мужчины, тем горше воспринималось превосходство, выказанное Мишель. Его покупали, и, причём недвусмысленно указали на это. И Себастьян, промолчав, тем самым принял предложенные правила игры....

Он встал с дивана и прошёлся по комнате. Остановившись возле окна, сунул в рот сигарету, щёлкнул дешёвой зажигалкой. Образ Мишель неотступно преследовал его, то, расплывчатой тенью падая на выцветшие от времени обои, то, размытой, но всё же доступной постижению картинкой возникая на мутной, закоптелой глади оконных стёкол. Внутреннее противоборство подошло к логическому завершению – желание одержало верх над – казалось – невыносимой обидой. Более того – то, что Мишель согласилась встретиться ещё и даже сама назначила следующее свидание, льстило самолюбию молодого человека. Впервые он не только познакомился, но ещё и смог завязать некие отношения не с вульгарными студентками или продавщицами из близлежащих магазинов, а с девушкой из так называемого высшего общества. А если учесть что девушка сказочно красива и – вполне возможно – ответит взаимностью на его чувства, то большего пока и желать не стоит. Себастьян выкинул окурки в открытую форточку и улыбнулся своему отражению....

На следующий день, встретившись в кафе и выпив по чашке кофе, Мишель сама предложила молодому человеку продолжить знакомство у него дома. Так она впервые оказалась в его убогой комнатухе, расположенной в мансарде старинного жилого дома на бульваре Р... ю. Едва Себастьян успел задвинуть засов на входной двери, как оказался в настойчивых объятиях своей новой знакомой. Изумление, сковавшее разум и плоть растерявшегося от неожиданного поворота событий мужчины, быстро улетучилось благодаря умелым действиям Мишель, и вскоре разбросанная по всей комнате одежда красноречиво свидетельствовала о новой вехе в зародившихся не так давно отношениях....

Спустя пару часов утомленный, но невероятно счастливый Себастьян приподнялся на локте и с нескрываемой нежностью ласкал взглядом ярко-голубых глаз обнажённое тело девушки. Мишель, сомкнув длинные пушистые ресницы, чему-то улыбалась – чувственный бутон алых от долгих поцелуев губ едва заметно вздрагивал, притягивая внимание мужчины. Со стороны могло показаться, что молодые люди – влюблённые друг в друга и осознающие взаимность своих чувств – просто набираются сил перед очередным актом самопожертвования во имя наслаждения. Рука Себастьяна скользнула по влажной поверхности дышащих жаром влажных бёдер девушки и, чуть касаясь бархатистой кожи, поднялась выше. Его ладонь с длинными тонкими пальцами замерла на одном из упругих, высоких полушарий, увенчанных розовыми маковками. Мишель мгновенно напряглась, дрожь волной пробежала по её телу, губы дрогнули и приоткрылись, с шумом втягивая воздух. Худенькая холёная ручка с кроваво-красными ноготками накрыла ладонь мужчины, заставив его замереть.

– Подожди.... Дай мне придти в себя, пожалуйста....

Розовый острый кончик языка, мелькнув на одно мгновение, одарил припухшие губы девушки соблазнительным блеском. Она глубоко вдохнула и приоткрыла пушистую завесь ресниц, через узкую щёлочку наблюдая за Себастьяном.

– У меня никогда ничего подобного не было. Честно говоря, я даже не думала, что всё может быть настолько хорошо....

– Что «хорошо»? – её слова потешили самолюбие молодого человека. В какой-то момент он даже испытал нечто сродни гордости по отношению к самому себе.

– Всё.... И внутри меня, и вокруг. Я не знаю, какими словами объяснить эту гармонию.... – Мишель вновь сомкнула веки и улыбнулась уголками губ. Молодой человек восторженно наблюдал за негой, обволакивающей её красивое лицо. Он высвободил ладонь и кончиками пальцев провёл по налитым румянцем щекам, от виска до изящной линии подбородка. Лёгким движением тронул припухший бутон, поцелуем ответивший на его прикосновение.

– Так может быть всегда.... – неожиданно даже для себя самого прошептал он.

Улыбка тут же покинула губы девушки, мышцы лица напряглись, и от бывшего блаженства не осталось и следа. Прошло несколько минут, на протяжении которых мужчина наблю-

дал происходящие с милым сердцу личиком метаморфозы и терялся в догадках по поводу последствий столь дерзкого предложения. Наконец Мишель открыла глаза и, уперевшись ладонями в диван, рывком приподняла своё тело. Придвинувшись к высокому подлокотнику, прислонилась к нему спиной, сложила на груди тонкие белые руки и, вперив долгий взгляд в лицо Себастьяна, молча что-то обдумывала. Молодой человек замер, тщетно пытаясь угадать её мысли.

– Знаешь, мне, наверное, следовало сразу кое-что объяснить тебе, – в интонациях Мишель не было ни малейшего намёка на сожаление по поводу несвоевременного признания. – Я не хочу, чтобы ты питал какие-либо иллюзии в отношении меня, поэтому скажу прямо – будущего у нас нет и быть не может. Я имею в виду – общего будущего. Вполне возможно, мы и дальше будем встречаться, если, конечно, ты захочешь этого после всего, что я сейчас скажу. Но, Себастьян... У меня своя жизнь, у тебя – своя. И они слишком разные, я бы даже сказала – полярные, чтобы пытаться их совместить. Ты понимаешь, о чём я?

Молодой человек неопределённо пожал плечами. Безусловно, он понимал, что имеет в виду Мишель, но лишний раз осознавать собственную несостоятельность, да ещё когда тебе об этом говорит молодая красивая девушка, в которую ты уже почти влюблён... Горькая обида заполнила его сердце. Тем временем Мишель, не замечая или же не обращая внимания на его состояние, продолжала:

– Я думаю, ты умный мальчик, Себастьян..., – будучи младше мужчины, она не преминула даже в такой мелочи сразу расставить приоритеты, явно указав на своё превосходство. – Вполне возможно, если бы мы встретились немного раньше, всё было бы иначе. Но сейчас... Я не могу, да и не хочу потерять то, что имею. Тот же красивый дом, вышколенную прислугу, ту жизнь, в которой я сейчас пребываю. Да, в ней есть свои минусы, но в то же время и немало плюсов, которые заставляют меня смириться. Всему своё время, и я верю, что когда-то буду всё же счастлива. Просто надо немного подождать..., – закончила она грустно.

Протянув руку, Мишель провела тонкими пальчиками по непослушным волосам мужчины. Себастьян, чья обида всё ещё пылала внутри, машинально дёрнул головой.

– Я смотрю, ты обиделся, – в голосе девушки послышались еле слышные нотки, но если бы Себастьян в этот момент поднял взгляд на Мишель, он бы очень удивился, увидев промелькнувшую на её лице довольную улыбку. – Давай не будем вести себя совсем уж по детски. Тем более, что мне скоро надо уходить...

Молодой человек не выдержал. Рывком поднявшись с дивана он схватил валявшиеся на полу брюки и, путаясь в штанинах, с треском натянул их. Пошарив в карманах, извлёк оттуда начатую пачку сигарет. Мишель молча наблюдала за его нервными действиями.

– Можешь идти прямо сейчас, – не оборачиваясь, зло бросил мужчина. Предательски дрожащими руками он прикурил сигарету и, выпустив тонкую струйку дыма в оконное стекло, угрюмо уставился на залитые солнцем крыши соседних домов. Мишель не пошевелилась, словно слова Себастьяна относились не к ней. Прошло какое-то время, прежде чем напряжённая тишина, повисшая в комнате, была нарушена полными горечи словами.

– Ты, наверное, считаешь, что нашла себе игрушку... Вы – богатые – всегда так развлекаетесь? Захочу – поиграюсь, надоест – выкину... Другого себе найду...

Не думал, что ты такая...

– Какая? – перебила девушка. Она спустила ноги с дивана и сидела, уперевшись ладонями в скомканные простыни и чуть наклонившись вперёд. Со стороны могло показаться, что слова Себастьяна вовсе не трогают обнажённую красавицу, занятую своими мыслями. На самом же деле в душе Мишель ликовала. Предполагая реакцию Себастьяна, она ожидала громких обвинений и чего-нибудь подобного. Но мужчина, того не осознавая, своей обидой доставил ей больше удовольствия, чем она ждала. Мишель чувствовала, что стоит

Себастьяну выговориться и его настроение изменится, она уже давно заметила, как он смотрит на неё, и ловила восторженные взгляды мужчины как нечто само собой разумеющееся. Молодой человек был во власти женского обаяния и коварства, и Мишель, осознавая эту власть, уже вкушала её первые плоды. Она встала и, не затрудняя себя одеванием, подошла сзади к застывшему, словно изваяние мужчине. Обняв за плечи, поцеловала впадину между острых лопаток и, прислонившись щекой к напряжённой спине, томным шёпотом произнесла:

– Я такая, какая есть. Прими меня такой, и ты не пожалеешь об этом.... Зачем думать о чём-то невозможном и грустном, если можно просто наслаждаться моментом. Да, у нас нет будущего, но..., Себастьян..., у нас ведь и прошлого не было.... Прошу тебя, давай просто жить сегодняшним днём, и не тратить попусту драгоценное время на мелочные обиды. И ещё – перестань себя унижать, я не считаю тебя игрушкой. Признаюсь, даже мысли такой не возникало. Всё что я хотела, это сразу расставить некоторые границы в наших возможных отношениях. Честно говоря, не думала, что ты так воспримешь....

Её руки скользнули на грудь мужчины и, чертя широкие круги, начали опускаться ниже. Себастьян понял что проиграл, но обида быстро исчезала, тем более что утешительный приз проигравшему был более чем хорош....

Глава 19

После того разговора прошло уже более полугода и отношения Себастьяна с Мишель стали регулярными. Два-три раза в неделю девушка находила свободные от непрерывного внимания мужа вечера и встречалась с любовником. Чаще всего это случалось в те дни, когда банкир, большой любитель покера, отправлялся в закрытый клуб перекинуться в картишки и пообщаться о нелёгкой жизни с себе подобными. Мишель, сказав прислуге, что идёт в кинотеатр и даже периодически покупая билеты и разбрасывая их где ни попадя в своей огромной квартире для отвода глаз, сразу спешила в убогое пристанище на крыше старого дома.

Их связь даже при огромном желании нельзя было назвать романтической. Самые тривиальные откровенно плотские отношения, не отягощённые какими-либо признаниями или чувствами. Каждый получал от них то, что ему требовалось, в общем-то, ничего не отдавая взамен. Мишель осознавала слабость и зависимость мужчины и получала от этого даже больше удовлетворения, чем от самого соития. Секс был не более чем способом мести деспоту-супругу, хотя и доставлял удовольствие. Но даже наслаждение воспринималось девушкой как нечто вторичное, исходящее из основополагающего – нестерпимой жажды мщения.

Себастьян, в свою очередь, так же свыкся с мыслью о смехотворности собственных чувств и старался заглушить овладевшую им вначале страсть. Убеждая себя в низости и коварстве девушки, он искал любые мало-мальски подходящие причины для разрыва порочных уз, но сам же отвергал любую возможность расстаться. В конце концов, неразделённая страсть претерпела естественные преобразования и стала напоминать нечто, более сходное с ненавистью. Он ненавидел Мишель, но не женщину в ней, а саму принадлежность её недоступному миру богатства и роскоши. Овладевая податливым телом красавицы, подчиняя своей воле её плоть, он мысленно насиловал всё то недостижимое сообщество роскоши и власти, дорога в которое ему была заказана. Глядя на искажённое в экстазе лицо Мишель, мужчина получал колоссальное убожество собственных амбиций, которое не шло ни в какое сравнение с телесным удовольствием. Так продолжалось изо дня в день, каждую их встречу.....

Точно так всё происходило и сегодня. Правда, перед самым уходом Мишель с грустью сообщила, что не сможет появиться у мужчины в течение недели, так как сегодня же вечером с мужем уезжает в Испанию. Поезд сегодня в одиннадцать часов. У толстяка оказались какие-то дела в Мадриде и он решил, что на последующий за официальной встречей ужин с партнерами лучше придти с женой. Тем более что она молода и красива – не грех похвастаться перед людьми. Себастьян при этом известии почувствовал лёгкий укол грусти, но Мишель успокоила его, сказав, что вернётся как можно быстрее, оставив супруга самого разбираться со своими делами.

– Возможно, у нас даже появится несколько свободных дней. Может, съездим куда-нибудь вместе...? Подумай над моим предложением, пока меня не будет....

Сейчас, рассказав Луи о предложении девушки, Себастьян зло сплюнул на пол. Он постоянно делился с единственным другом своими переживаниями, и тот каждый раз находил нужные для мужчины слова. Его, близкие к философским догмам, глубокомысленные фразы повидавшего жизнь человека проникали в мозг Себастьяна и возвращали умиротворение, заставляя по-новому взглянуть на многие вещи. Мысль о том, что через Мишель Себастьян ещё покажет богачам «кто кого имеет», так же принадлежала этому невзрачному на вид алкоголику. И Себастьян был благодарен Луи за такие нужные поддержку и понимание.

– Ну, и что тебе не нравится? Съездишь, развеешься... Мне бы кто предложил, так я бы ни секунды не раздумывал. Девку в охапку – и бегом на какой-нибудь пляжик!

– За её деньги? Ты же знаешь, мне это не по средствам, а отдыхать за счёт Мишель...? Сам себе противен!

– Да ладно, не горячись ты так, Себастьян, – Луи разлил остатки вина по стаканам и с сожалением окинул взглядом опустевшую бутылку. Себастьян заметил это.

– Не расстраивайся, я ещё возьму. Денег немного осталось....

Луи сразу заметно повеселел и, не дожидаясь собутыльника, опрокинул в рот содержимое стакана. Крякнув от удовольствия, подмигнул соседу.

– Иди, бери.... А я пока что-нибудь придумаю.

Быстро сбегав в магазин, Себастьян вернулся с двумя бутылками. Ему и самому хотелось снять возникшее после встречи с Мишель напряжение, и наиболее приемлемым способом в данный момент показалось застолье в компании единственного друга. Луи буквально расцвёл в предвкушении импровизированного банкета и тут же взял бразды правления в свои руки. Одним ловким движением сорвав пробку, он забулькал жидкостью в мутное нутро стаканов. Себастьян, устало откинувшись на стуле, молча наблюдал за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.